

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Темной

Невероятные
приключения Владимира Кипяткова

Александр Темной

**Невероятные приключения
Владимира Кипяткова**

«Автор»

2018

Темной А. В.

Невероятные приключения Владимира Кипяткова /
А. В. Темной — «Автор», 2018

Иногда любые изменения в жизни, выводящие нас из колеи, кажутся чем-то ужасным. Но не всегда перемены бывают к худшему. В жизни Владимира Кипяткова после потери работы и жены произошли перемены, благодаря которым фантастика для него стала реальностью. Всё, что его не сгубило, сделало его сильнее. В ходе скитаний по другим мирам он обрел новую семью, открыл в себе способности, о которых ранее не подозревал. А всё началось с обычной семейной ссоры... Содержит нецензурную брань.

© Темной А. В., 2018

© Автор, 2018

Александр Темной

Невероятные приключения Владимира Кипяткова

Глава 1

Пятеро детей двенадцати лет – одна девочка и четыре мальчика из вполне благополучных семей, – сидели вокруг костра в лесу темной ночью. В кронах деревьев, скрипя стволами, гулял прохладный сильный ветер, пробирая до костей. Темная туча проглотила луну, вот-вот должен был начаться дождь. Но дети не торопились в лагерь, да и как можно было торопиться, если они не знали обратной дороги. Компасы и средства связи у них зачем-то отобрал воспитатель Денис, который сидел на пне у костра и рассказывал вещи, которые детям были не особо интересны. Быть может, это было круто для детсадовской малышни, но для двенадцатилетних, которые считали себя уже взрослыми, это был полный отстой, которым никого не испугаешь и не удивишь. Точнее, это был унылый отстой, который вызывал зевоту и желание поспать. И многие бы заснули, если бы не чувство голода, возникшее по причине пропущенного ужина и не комары, которые противно пищали и норовили укусить за все открытые участки тела. Даже костер их не отпугивал. Вот и оставалось детям хлестать себя ветками и делать вид, что всё происходящее здесь и сейчас всем до усрачки нравится. И, глядя на бледное прыщавое лицо Дениса, каждый мечтал, чтобы он наконец-то заткнулся и привел всех назад, в лагерь. И плевать, что они не поужинают и не посмотрят телевизор. Лишь бы подальше от этих комаров и глупых страшилок. Но Денис Игоревич не унимался. Он продолжал рассказывать, не обращая внимания на зевоту своих подопечных и недовольные взгляды. Казалось, что чем больше он рассказывал – тем больше ему это нравилось:

– Жили две подруги. Одна была послушная, а другая никогда не слушала свою маму. Однажды послушная девочка купила очень вкусные пирожки. Она посоветовала купить их своей подруге. Но эта непослушная девочка пошла на рынок и увидела женщину, которая продавала пирожки. Девочка хотела купить их, но женщина сказала, что пирожки уже кончились. И женщина предложила девочке сходить к ней домой, где она испечет ещё пирожков. Девочка пошла с этой женщиной. А дома у той тётки был настоящий робот...

– Подумаешь, робот, – пробормотал Ваня. – Фигня!

Денис Игоревич сделал вид, что не услышал эту реплику и с невозмутимым видом продолжал:

– Пока та женщина пекла пирожки, девочка играла с роботом. Сначала всё было хорошо, но в какой-то момент глаза робота загорелись красными огнями, из металлических ушей и ноздрей повалил густой дым. Девочка испугалась, хотела убежать, но робот повалил её на пол, зажал рот рукой и стал разрезать электропилой её тело на кусочки. Постепенно он её всю измельчил, но не смог измельчить только золотые сережки, которые были в ушах девочки. Женщина приготовила из этого мяса пирожки и пошла продавать. Их случайно купила подруга той девочки. Она увидела в одном пирожке сережку и узнала её...

Денис замолчал, подкинул в костер сухих веток. Они тут же загорелись, и языки пламени заблестели в его глазах.

– Ну, это уже интереснее, чем страшилки про черную перчатку, гроб на колёсиках и красное пятно, – сказала Даша, толкнув локтем в бок Данила. Хотя Даня приходился ей двоюродным братом, внешне они были абсолютно не похожи. Даша была высокой темноволосой красоткой, мастером спорта по художественной гимнастике. Он же был полным, рыжим с пухлыми губами.

– Да, – ответил Данил и шмыгнул носом. – Похоже, я простудился. Вот мать орать будет, если узнает...

– А что потом было с той женщиной? – спросил Гоша, сын полицейского. – Её посадили?

– Нет, – Денис Игоревич печально вздохнул. – Её изрезал на куски тот же робот. Как потом выяснилось, у него настройки сбились.

– И где сейчас этот робот? – подал голос Федя, до того момента тихо сидящий в тени. Воспитатель пожал плечами.

– Где-то ходит. Это же робот-андроид. Его не отличить от человека.

– Японский, что ли? – Данил снова шмыгнул.

– Нет. Женщина украла его у сигмов.

– А-а-а, – протянул Даня, качнув головой, хотя понятия не имел, кто такие сигмы.

– Ладно, забудьте про андроида, – Денис махнул рукой. – Я ещё одну историю знаю...

Жила-была одна старуха, которая питалась человеческой кровью. Как-то раз пошла она искать жертву. Остановилась у детского сада, позвала к себе маленькую девочку и позвала её к себе домой. Рассказала, что у неё много всяких игрушек, щенят и котят, а также всякие вкусняшки – шоколад, мороженое, конфеты. Понятное дело, девочка согласилась, и они поехали к старухе домой. Через три часа они приехали. Старуха схватила девочку и привязала вверх ногами к стене и воткнула в нее ножи. Под ноги девочке старуха поставила эмалированный таз. В него стекала кровь девочки. Когда родители пришли за девочкой в детский сад и не нашли ее, воспитательница сказала, что девочку забрала из садика бабушка. Тогда родители сообщили в полицию. По горячим следам полицейские нашли дом, где жила та старуха, узнали номер квартиры. Долго стучались, но никто им дверь не открыл. Когда они взломали дверь, то увидели, как старуха кружкой черпает кровь из тазика и пьет её. А над тазом покачивается тело девочки. Увидев полицейских, старуха кинулась на них с ножом, одного даже ранила. Полицейские достали пистолеты и пристрелили бабку. Но девочку спасти им не удалось.

– Ух ты! – Федя поежился. – Прикольная страшилка. У нас в подъезде тоже странная бабка жила, детей к себе водила... А потом вдруг куда-то пропала! Может, девочку убила она?

– Не думаю, – спокойно ответил Денис Игоревич, прутиком переворачивая угли в костре. – Если бы это была она, тебя бы сейчас с нами не было. Уж такого пухлячка, как ты, она бы не упустила...

– Я не пухлячок, – обиделся Федя. Даже в полумраке было видно, как его лицо вспыхнуло краской.

– Не бери в голову, – тонкие длинные пальцы воспитателя пробежалась по руке мальчишки, ощупывая её. – Был ещё такой случай: в новостройку въехала молодая семья – парень с девушкой. Однажды парень пошел на работу, а девушка осталась дома и стала клеить обои. Клеит она обои, песенки поет, а тут в дверь кто-то постучался. Девушка открыла и увидела на пороге женщину. Та сказала, что она соседка и пригласила девушку выпить по рюмочке за знакомство...

При слове «рюмочка» дети заулыбались, но Денис Игоревич, не обращая на это внимание, продолжал:

– ...Ну, девушка немного устала от ремонта, к тому же, ей не нужно было в тот день садиться за руль, и она согласилась. Соседка напоила девушку коньяком со снотворным, зарезала ее, разрезала тело на куски и сварила из нее суп. Когда муж той девушки вернулся с работы, соседка и его позвала в гости, сказала, что у неё есть коньяк, а на закуску – хороший и вкусный суп. Ещё она сказала парню, что его жена уехала куда-то, поэтому, если он к ней не зайдет, то останется голодным. Парень немного подумал и зашел к соседке. Когда он стал есть суп, то ему попался палец жены с обручальным кольцом. Не раздумывая, он схватил со стола нож и убил соседку. Когда он звонил в полицию, пришли муж и сыновья той женщины. Они его порезали на мелкие кусочки, сделали из мяса фарш, нажарили котлет и угощали ими соседей по подъезду. А соседи потом благодарили их и говорили, что котлеты очень вкусные. Они и не знали, что едят котлеты из человечины! И сладковатый привкус их не смущал.

– Их тоже не посадили? – Гоша вопросительно изогнул бровь.

– Нет, – ответил воспитатель.

И тут дети заметили, что он нервно отламывает свои ногти и кидает их себе под ноги. Между его ботинками сорок пятого размера образовалась небольшая куча ногтей, а на месте ногтей у него появились острые когти, которые росли, увеличиваясь в размерах прямо на глазах. От увиденного у отроков пробежали мурашки по коже, и они сбились в кучу, тесно прижавшись друг к другу. Никто не знал, что творится с воспитателем, но все понимали, что это что-то ненормальное. Может, это болезнь? А раз так, то он их всех может заразить. Поэтому школьники стали отодвигаться от своего воспитателя. Он это заметил, но никак не отреагировал, продолжив свой рассказ:

– Они до сих пор делают котлеты из человечины, едят их и бесплатно раздают знакомым. А вот ещё одна история: однажды в город приехал цирк. В этом цирке работал один старый фокусник. Он был настолько стар, что сам не помнил, сколько ему лет. Но держался молодцом, выглядел бодро. И был у него такой коронный номер: он выносил на манеж большой чёрный ящик, показывал всем, что ящик пустой. Потом он попросил кого-нибудь из зрителей выйти на арену и залезть в тот ящик.

Когда человек залезал в ящик, фокусник закрывал его. После этого старик всем показывал, что человек исчез и ящик пустой. Все смеялись и хлопали, представления шли каждый день. Скоро в городе заметили, что стали исчезать люди. Сыщики обыскивали все закоулки, подвалы и чердаки, но людей не находили. Пришли обыскивать цирк и в одной из подсобок нашли холодильник, набитый человеческим мясом. Хотели схватить фокусника, а он залез в чёрный ящик, и с тех пор никто его не видел. Но я-то знаю, что он до сих пор жив и здоров. И он по-прежнему питается человечинной.

– Вот это страшилка! – Ваня поднял вверх большой палец правой руки.

– Я ещё одну знаю, – Денис Игоревич несколько раз моргнул, потер пальцами глаза, отлепил от них две небольшие пленочки, которые тут же бросил в костер. Хотя он старался делать это быстро и незаметно, все дети заметили, что его глаза стали как у змеи – холодные, черные с вертикальными зрачками. Сидящий ближе всех к нему Ваня зажал рот рукой, чтобы не кричать от страха. Теперь он точно знал, что с воспитателем творится что-то странное. Но где-то в глубине его души теплилась надежда, что Денис Игоревич всех их разыгрывает. Когда он закончит рассказывать свои истории, все посмеются и вернуться в лагерь. Только скорее бы!..

Ваня, как никогда, чувствовал себя уставшим. Ему хотелось в туалет, хотелось есть. Он и сам не знал, чего ему хотелось больше, но он бы с удовольствием вскочил с влажного бревна и побежал бы в сторону лагеря. Но у воспитателя, похоже, были другие планы. Он всё ещё продолжал свой рассказ, и в его голосе появились рычащие нотки, что Ване не очень понравилось. Хотя он думал, что воспитатель это делает специально, для большего эффекта, иначе розыгрыш не получится:

– Однажды девочки, которые жили в детдоме, решили сбежать оттуда на дискотеку. Их было трое: Катя, Маша, Юля. Сбежав оттуда, они увидели ларёк и решили купить там газировки. А около того ларька стояла старушка, которая дала им деньги на чипсы, но попросила их помочь ей донести тяжелые сумки с продуктами до дома. Девочкам очень хотелось чипсов, поэтому они согласились. Когда они подошли к дому старухи, она пригласила их на чай. До начала дискотеки ещё оставалось время, поэтому девочки согласились. А у этой бабки дома сын был, который стал бить девчонок обухом топора, едва они вошли в дом...

– Конечно, он их убил, да? – перебил воспитателя Даня. Судя по его голосу, ему эти истории стали надоедать.

– Я сейчас кому-то нос откушу! – резко повернувшись к нему, прорычал Денис Игоревич. Потом, отвернувшись от мальчика, он уставился своими ненормальными глазами на костер. В толпе детей послышался недовольный ропот. Не поворачивая головы, воспитатель крикнул: – Это касается каждого, кто будет меня перебивать! Слушать всем до конца!.. Когда Маша и

Юля очнулись, они были привязаны к батарее, а Катя была мертва. Старушка со своим сыном с аппетитом ели мясо девочки, отрезая от её тела по кусочку. Когда они наелись, сын старухи взялся за Машу. Он её изнасиловал и разрубил на части. Юлю бабкин сын заставил есть мясо подруг и пить их кровь. Она плакала, её тошнило, когда она засовывала в рот куски сырого мяса. Но ей ничего не оставалось делать, ведь бабка с сыном обещали отпустить её, если она будет послушной. Но они не сдержали своего обещания, убили Юлю, а позже съели. Та бабка и её сынуля съели больше сотни детей, и до сих пор никто не может с ними справиться...

– Денис Игоревич! – Даша бесцеремонно перебила воспитателя, так как была уверена в том, что ей он нос точно не откусит. – Давайте вернемся в лагерь! Я устала, хочу спать... Все хотят спать. А этими небылицами про людоедов можно напугать лишь детсадовских детей...

Глядя на Дашу, мальчишки согласно закивали головами. Одобрение товарищей придало Даше ещё больше уверенности в своей правоте. Победно улыбнувшись, она продолжила: – ... Мы-то уже не маленькие дети. Мы живем в свободном обществе, во времена продвинутых технологий, и мы знаем, что людоеды не могут безнаказанно есть людей...

– Есть человеческое мясо могут только психи, – добавил Данил. – На них уже давно бы надели смирительные рубашки и упекли бы их в психушку...

– Да нет! – покачал головой Гоша. – Их бы посадили в тюрьму, и сидели бы они там, не снимая наручников, пожизненно...

– Да и вообще это всё враки! – подал голос Федя. – Если бы всё это действительно было, об этом всех бы оповестили...

– Так что... – подвела итог Даша, – ... никого вы не испугали и ведите нас в лагерь. Иначе вас уволят за то, что вы нас привели сюда в позднее время. Даже, если вы нас не уволят, я пожалуюсь отцу, и он порвет вас, как Тузик грелку!

– Молодец, Дашка! – Даня захлопал в ладоши. Глядя на свою двоюродную сестру, он испытал чувство гордости и подумал, что она очень умна, ведь не зря же она – мастер спорта!

– Испугала ежа голой жопой! – Воспитатель поднялся с кочки и вытянулся во весь рост. И непонятно, была это игра света и теней, но детям он показался гораздо выше ростом, чем тогда, когда они уходили из лагеря. На его лице играла зловещая улыбка. Те, кто были ближе всех к Денису Игоревичу, увидели его большие острые зубы, похожие на зубы акулы. – Таких, как ты, я ем на завтрак, обед и ужин. Я – карх, а кархи ничего не боятся!.. Какие же вы, дети, дебилы! До вас так и не дошло, что истории, которые я вам рассказывал – правда! А все те люди, которые ели человечину – кархи, для которых человеческое мясо является деликатесом. Особенно – мясо детей. Страх, который испытала добыча перед смертью, придает мясу неповторимый вкус. А вы думали, что я вас сюда просто так притащил, и страшные истории рассказывал, да? Я жрать хочу! Добро пожаловать к столу, пища!

– Если это шутка, то очень плохая! – всё ещё не веря в реальность происходящего, сказала Даша, обводя взглядом своих друзей. Было видно, что она изо всех сил пытается выглядеть крутой девчонкой, но у неё это получалось хуже, чем минуту назад. И уверенности в голосе поубавилось. – Это часть розыгрыша... Сейчас он нас отведет в лагерь!

– Ага! Размечталась! – Денис Игоревич вдруг начал царапать своими длинными когтями кожу на руках.

Из-под кожи брызнула прозрачная жидкость с резким запахом. Дети хором закричали, глядя на него широко открытыми от страха глазами. Денис Игоревич словно ждал этого момента. Улыбнувшись зловещей улыбкой, он дернул кожу с рук, как перчатки. Под человеческой кожей оказалась темная блестящая плоть – тугие жгуты мышц и ороговевшие наросты.

Воспитатель продолжал скалиться, с самодовольным видом разглядывая свои руки. Потом он окинул взглядом детей, ухватил себя за волосы на макушке и сделал кривым острым когтем большой разрез на шее. Из него также хлынула вонючая жидкость. Резко дернув рукой, он снял себе кожу с головы, как какую-то маску и бросил её себе под ноги. Дети уви-

дели темную блестящую голову, лишенную растительности, с большим бесформенным ртом, маленьким хрящом вместо носа. Ушные раковины вообще отсутствовали. Более странного и безобразного существа они ещё не видели.

Детский крик стал ещё громче. Но подростков словно парализовало от страха. Вместо того, чтобы бежать, они просто стояли на месте и кричали, глядя на безумное перевоплощение Дениса Игоревича в самого настоящего монстра.

Вцепившись в куртку Даши длинными руками, воспитатель рывком поднял девочку до уровня своей головы так, что её ноги беспомощно болтались выше его колен.

– Я же говорил, что нос откушу! – прорычало существо, которое ранее было добродушным Денисом Игоревичем, и зубами вцепилось девочке в лицо. Послышался хруст, в разные стороны брызнула кровь. Крик Даши перерос в визг. Она изо всех сил колотила своими кулачками по рукам карха, пиная его носками кроссовок, но силы были явно не равны. Он повертел её в руках, как куклу, ухватил одной рукой за горло, а второй стал рвать куртку, пытаясь достать до живота. И в какой-то момент у него это получилось. Размахнувшись, он когтистой пятерней вспорол ей живот. Девочка обмякла, перестав сопротивляться и кричать. Когда из вспоротого живота Даши стали вываливаться внутренности, а её кровь забрызгала лица подростков, Даню вытошнило прямо на синюю ветровку Феди. Но никто этого не заметил. Все, как загипнотизированные, смотрели, как рука зубастого чудовища глубже и глубже погружается в плоть девочки, как кровь фонтаном брызжет в разные стороны. Капли этой крови, попавшие на перекошенные от ужаса лица детей, в какой-то момент вывели их из состояния оцепенения, как вовремя вылитый ушат холодной воды. Дети кинулись врассыпную, растворяясь в темных зарослях. Обезумевшие от страха, они не видели, как отодвинулся в сторону трухлявый пень, открыв вход в подземелье, как оттуда выскочил Коля Соколов – странноватый мальчик из четвертого отряда. Они не видели оружие в его руке, похожее на пистолет, не видели белую щетину на его детском лице, но слышали его голос у себя за спинами. И голос этот был не по годам грубым, с хрипотцой, как у курящего подростка, а не как у девятилетнего мальчика:

– Стойте! Не разбегайтесь! Это ловушка! Второй отряд! Вернитесь!

Но дети, которые голос Коли услышали, даже не думали останавливаться, а бежали вперед, куда угодно, лишь бы подальше от этого ужаса.

Карх разжал когтистую лапу. Девочка упала на землю. Падение будто вернуло её к жизни. Она поползла в сторону Коли, оставляя за собой широкий кровавый след на траве. Кричать она уже не могла, только хрипела, отхаркивая кровь.

– Ты откуда такой нарисовался? – прорычал карх, глядя сверху вниз на странного мальчика со щетиной на лице.

– Я – гном! – гордо вскинув голову, ответил Коля. – Я пришел спасти детей!

– Опоздал! – карх хрипло рассмеялся, схватил Дашу за ноги и начал крутиться вокруг своей оси. Ударив её головой об толстый ствол дерева, он метнул бездыханное тело в Колю.

Реакция гнома оказалась молниеносной. Отскочив в сторону, он спрятался за ствол сосны и выстрелил. Его практически бесшумный выстрел оставил круглое дымящееся отверстие в стволе березы за спиной бывшего воспитателя. Карх тоже оказался не лыком шит. Перекатившись в бок, он выхватил из своего рюкзака толстую блестящую трубку, которая в его руке тут же превратилась в нечто похожее на гранатомет. Грохнул выстрел. Сосна, за которой прятался Коля, с треском рухнула на землю, осыпав гнома сотней горящих щепок. Коля, пригнувшись, кинулся к бурелому. Пока он бежал, карх продолжал стрелять. Выстрелы из его оружия вздымали в воздух сотни килограммов земли, оставляя за гномом след из воронок, скосили десятки молодых березок.

Два выстрела, попавшие в бурелом, подожгли и раскидали в разные стороны сухие стволы и ветки. Но Коли уже за буреломом не было.

– Где ты, гном? Выходи! – закричал разозленный карх.

– Пошел в жопу! – крикнул ему гном из-за большого камня, покрытого мхом.

– Да в твою сморщенную жопу даже мой харм не войдет, куда уж там – я целиком! – Карх рассмеялся и сделал ещё два выстрела, которые раскололи пополам камень.

– Проверим? – гном протиснулся между половинок камня и встал перед Денисом, расставив руки в разные стороны, будто говоря: «Я к твоим услугам!»

Карх ухмыльнулся, направляя свою трубку на Колю.

– Сейчас я измельчу тебя, а потом проверим!

Грохнули сразу три выстрела. Видать, бывший воспитатель решил, что измельчить гнома нужно тщательнее. Иначе он не пролезет туда, куда его послали. В тот момент карха, потомка инопланетных захватчиков, почему-то не насторожило то, что гном убрал свое оружие в кобуру, и улыбался, бесстрашно глядя в лицо своей смерти. Это вместо того, чтобы отстреливаться из своего пистолетика, Об этом стоило задуматься, потому что Коля за долю секунды до первого выстрела выставил перед собой согнутые в локтях руки. Задние стороны его серой курточки оказались обшиты толстым материалом, до такой степени гладким и блестящим, что отражение карха в этих накладках практически не искажалось.

Первый выстрел, отразившись от зеркальной поверхности, оторвал карху ногу, и он упал на землю, брызжа в разные стороны черной кровью. Второй и третий выстрелы подожгли и под самый корень срезали большую березу, которая рухнула на инопланетянина, придавив его толстым стволом.

Достав из внутреннего кармана курточки белый комочек, похожий на кусок пластилина, Коля приложил его к носу. Шарик тут же прилепился к его лицу и стал растекаться по нему, превращаясь в подобие респиратора с прорезями по бокам.

Воя от боли, захлебываясь кашлем от едкого дыма, карх начал царапать когтями ствол, сдирая с него кору, пытаясь вылезти из-под дерева, но гном лихо запрыгнул на ствол и направил на существо, которое раньше звали Денисом Игоревичем, свой маленький блестящий пистолетик.

– Что, измельчил меня? – спросил Коля, глядя сверху вниз на корчащегося под деревом гуманоида. Языки пламени, обвяв ствол, стали перебираться на одежду карха.

– Пошел на х... – ответил Денис, плюнув сгустком черной крови в гнома и попав ему в плечо.

– Тварь! Ты испортил мне куртку, – тихо, но со злостью в голосе сказал Коля и нажал на спусковой крючок. Голова карха тут же разлетелась в разные стороны, забрызгав всё вокруг каплями крови, похожей на чернила, кусочками черепа и желтыми сгустками мозга. Вытерев лицо, гном спрыгнул с объятого пламенем дерева, оглянулся и добавил, глядя на бездыханное тело Дениса: – И откуда вы только берётесь? Вас же всех перебили!

В панике, начавшейся после того, как Денис Игоревич напал на Дашу, дети, как горох, рассыпались по лесу. Те, кто убежали первыми, не слышали голос гнома Коли. Те же, что немного отстали, его услышали, но не стали останавливаться, так как были уверены, что никто не сможет справиться с сумасшедшим Денисом Игоревичем, и никто их не спасёт. Никому из детей не хотелось разделить участь Дашы, поэтому все бежали как можно быстрее, не останавливаясь. Каждый хотел убежать как можно дальше от того страшного места и где-нибудь спрятаться. Спрятаться так, чтобы ненормальный воспитатель не смог найти. У каждого перед глазами стояла сцена трагедии, разыгравшейся на поляне – Даша, тщетно пытающаяся вырваться из цепких рук воспитателя, Денис Игоревич, откусывающий ей нос, и вываливающиеся из споротого живота кишки. А ещё – кровь, кровь, кровь! Много крови!

Несмотря на темноту, непролазные заросли, хлещущие по лицу ветки и усталость, дети бежали что есть мочи. Они спотыкались, поскользнулись, падали, но все равно вставали и

бежали дальше. Каждый из них чувствовал себя добычей, убегающей от охотника. Животный страх гнал всех вперёд.

Данил вдруг остановился. Оглянувшись назад и услышав звуки треска и хлопков, он вдруг заплакал. Слезы лились из его глаз крупными каплями, стекая по подбородку. До него вдруг дошло, что Даша – не какая-то там девочка из лагеря, а его сестра. Пусть и двоюродная, но всё же сестра! Это девочка, с которой он провел всё своё детство, которая научила его кататься на велосипеде, пришивать заплатки, плести браслеты, защищала его от хулиганов, когда он был совсем маленьким. И сейчас его сестру убивает псих-воспитатель, а он, Даня, убегает, спасая свою шкуру, как испуганная собачонка! А если Денис Игоревич убьёт её, это значит, что Дашу больше никто не увидит живой, с ней нельзя будет поговорить, поиграть, подшутить над ней. Некого будет поздравлять с праздниками и целовать в щечку, даря какую-нибудь безделушку. Она умрет, её похоронят и всё! Всё! Что он скажет её родителям, когда вернется домой? Скажет, что убежал и даже ничего не сделал, чтобы спасти её? Как он будет после этого смотреть в глаза тёте Элме и дяде Вехтесу? Да никак! Они даже видеть его не захотят. Поэтому Даня не будет убегать. Он вернется и попытается спасти Дашу.

Бедняга, он ещё не знал, что с его сестрой всё кончено. Он был уверен, что она, пусть тяжело ранена, но всё ещё жива.

Данил развернулся и уверенной походкой пошел в обратном направлении. Слезы быстро высохли, мальчик был полон решимости спасти сестру и наказать душегуба-воспитателя. А что он сделает ему? Немного поразмыслив, Даня решил, что ударит его палкой. А если это не поможет, то воткнет эту палку ему прямо в глаз с вертикальным зрачком. Только где бы найти такую палку, чтобы ею можно было так приложиться, чтобы выбить дух из Дениса Игоревича? Он ведь большой и сильный, а ещё злой...

Данил шел, глядя себе под ноги. На глаза ему попадались корни деревьев, сухие ветки, трухлявые стволы, но это всё было не то, что нужно. Сломав пополам руками очередную толстую сухую ветку, Даня подумал, что проще найти камень средних размеров и его использовать как оружие, но тут на глаза ему попала палка, под углом торчащая из земли в маленьком проходе между кустами. Глядя на неё, мальчик подумал, что если, пробегая между этими кустами, запнуться о палку, можно упасть и сломать себе шею. Но он точно помнил, что пробегал здесь, а палку не зацепил. Ну, и хорошо, что не зацепил!

Нагнувшись, он ухватился за конец палки и потянул его на себя. На ощупь палка была не шершавой, а теплой и гладкой, словно сделана из пластика. Идеально круглая березовая ветка поддалась и стала выходить из земли. Она оказалась гораздо длиннее, чем Данил предполагал, но это ему было только на руку.

«Как дам ему по башке!» – пробормотал мальчик, шмыгнув носом. В тот самый момент послышался сухой треск, и спрятанный в кустах напротив стреломет, запрограммированный на людей, расстрелял весь свой заряд, превратив Данила в подобие фантастического ежа, утыканного толстыми металлическими иглами.

Даня не видел стреломет в кустах, не слышал свист металлических стрел. Он даже не вскрикнул и не понял, что произошло. Он просто завалился на бок, а под ним растекалась лужа крови, с каждой секундой увеличивающаяся в размерах. Палку из руки он так и не выпустил.

Когда капли крови Даши попали на лицо Вани, он встrepенулся, словно очнувшись ото сна. Испугавшись, что и его сейчас схватит воспитатель и сделает с ним то же, что и с девочкой, Ваня стал убегать.

Впереди уже мелькали спины и пятки Гриши и Феди. Но бегунами они были так себе, и Ваня их быстро догнал. Он сразу сообразил, что из-за этих «тормозов», путающихся под ногами, Денису Игоревичу не составит особого труда всех переловить и сделать с ними то, что он сделал с Дашей. Поэтому Ваня свернул налево в зазор между кустами и побежал, как заяц,

петля между деревьями. За спиной послышался крик: «Стойте! Не разбегайтесь!..» Услышав этот крик, Ваня побежал ещё быстрее, так как предположил, что чокнутый воспитатель погнался именно за ним. А бежать в темном лесу было очень трудно. Ваня то запинался об корни деревьев и падал, то кусты дикой малины и шиповника цеплялись за его ноги, замедляя и без того небыстрый бег.

Конечно, от такого бега с препятствиями Ваня быстро устал. В боку кололо, воздух обжигал лёгкие, но он все равно бежал, как учил его тренер по легкой атлетике. В голове звучали слова тренера: «Бойся остановиться! Бойся!..» И он мчался сломя голову, хотя почти ничего перед собой не видел, кроме очертаний буреломов по бокам и зарослей молодых деревьев впереди. Конечно, не раздумывая, он ринулся к деревьям, на бегу раздвигая ветки, которые больно хлестали по щекам, по шее и по глазам. Заросли оказались гуще, чем Ваня предполагал, но он всё равно продвигался вперед, борясь с противными тонкими ветками и с безумной усталостью. И, когда впереди замаячил просвет, а за деревьями угадывалась полянка, на которой можно будет разогнаться, живот мальчика пронзила дикая боль. Он на что-то наткнулся, и это неведомое «что-то» не давало ему двигаться ни вперед, ни назад. Футболка под курткой мгновенно пропиталась чем-то мокрым и теплым. Опустив глаза, Ваня увидел, что напоролся животом на большой трезубец, по которому пробежали голубоватые искорки. Трезубец был прикреплен к металлической конструкции, похожей на турник, которая была спрятана между деревьями.

Закричав от боли и ужаса, Ваня схватился руками за рукоятку трезубца, сделанную из темного металла. Его тут же ударило током, искры забегали по трезубцу ещё быстрее, и через долю секунды зубья этого оружия, которое раньше Ваня видел только в учебнике по истории древнего мира и в репортажах про инопланетных гладиаторов, резко удлинились, проткнув мальчика насквозь и навсегда избавив его от мук.

Из-под покрытого мхом ствола поваленного дерева вылезла лиса. Понюхав воздух, она осторожно приблизилась к телу Вани. Осмотревшись, зверек принялся лизать лужу крови, натекшую с концов трезубца. Но, когда послышался слабый электрический треск, и на острых концах трезубца заиграли искорки, лиса, тьякнув, засемила прочь, скрывшись в темноте. А тело Вани осталось стоять, безвольно свесив руки и уронив голову на грудь, покорно дожидаясь, когда карх придет за своей добычей и снимет её с острых зубьев.

Дмитрий Игоревич трепал Дашу, как разозленный питбуль. Когда пролилась её кровь, и дети побежали, Гриша тоже стал убегать, но не столько от страха, сколько от желания вызвать полицию. А что ещё мог сделать сын полицейского, ведь он всё делал так, как учил его отец. Так как средства связи воспитатель отобрал у детей ещё в лагере, Гриша планировал, как можно добежать до ближайшего населенного пункта и оттуда позвонить в полицию.

Он даже представлял на бегу, как в лес влетает крутой транспортировщик с надписью «Полиция» на бортах, оттуда выскакивают люди в форме, кладут Дмитрия Игоревича лицом на сырую землю и защёлкивают наручники на его когтистых руках, с которых слезла кожа. Если воспитатель при этом будет дергаться, то сразу получит удар током, после чего потеряет сознание, обоссется и обосрется. Потом полицейские попинают его, как следует, а потом, как мешок с картошкой, закинут в клетку, которая находится в багажном отсеке транспортировщика.

Понятное дело, увлеченный своими мыслями, Гриша не услышал крик гнома за спиной, но, даже если бы услышал, стал бы он останавливаться? Конечно, нет. Кто такой для него этот Коля Соколов? Да никто! Козьявка, говно на палочке. Вот отец для Гриши был настоящим авторитетом. Ведь он был полковником полиции! И, услышав его голос, Гриша встал бы, как вкопанный. И других остановил бы. Но – увы! – папа был за сотни километров и вряд ли мог приехать в эту глушь. А потому – опять-таки, как учил Великий Гуру в погонах, – Грише в сложившейся ситуации нужно было действовать самостоятельно.

Увидев впереди спину Феди, обтянутую красной ветровкой с отпечатком кроссовка ниже широкой спины, услышав топот и шумное дыхание Ваньки, Гриша вспомнил слова отца о том, что преступники, когда убегают от полиции, всегда разделяются, чтобы их было труднее поймать. Хотя они пока не преступники, а обычные дети, но они всё же убегают, а за ними вот-вот погонится озверевший, кровожадный воспитатель.

Прокрутив всё это в голове, Гришка резко свернул направо. Проводив взглядом Федю, он подумал: откуда столько прыти у этого тихони? Впрочем, думать сейчас нужно было не о Феде, а о том, как бежать через лес. Ведь страшно, зябко, темно и ничегошеньки не видно!

Поначалу страх сковывал ноги, и не давал бежать, но звук хлопков, раздающихся сзади, помог Грише ускориться. Лёгкий как ветер, он нёсся вперед, не обращая внимания ни на хлесткие ветки, ни на колючие кусты, ни на боль в мышцах ног. Ведь у Гриши была великая цель – наказать воспитателя! Дмитрий Игоревич не может безнаказанно нападать на детей! Не имеет право!.. Только нужно поторопиться, пока он не скрылся. Тогда полиция его быстро скрутит.

Густой лес внезапно расступился, и мальчик оказался на опушке. Хотя там было гораздо светлее, чем в чаще, Гриша за что-то запнулся и упал, больно ударившись животом и коленями. И тут мужество, привитое ему отцом-полицейским, впервые за долгое время его покинуло. Слезы брызнули из его глаз, и он захныкал, как девчонка. А как тут не плакать, если вместо того, чтобы лежать в кровати, укрывшись одеялом, он убегает от какого-то вонючего уroda, и никто не может ему помочь – ни друзья, ни родители. Он разбил в кровь колени, у него может быть заражение крови, но кому до этого дело? Да никому! Вот и лежит он, маленький и беззащитный, окруженный со всех сторон лесом и дрожит, как осиновый лист на ветру. И впервые в жизни ему стало так тоскливо и одиноко, что хоть волком вой! И он стал тихонько подвывать, сотрясаясь всем телом.

Казалось, что он может так плакать бесконечно долго, ведь никто этого не видит, и ему не будет за это потом стыдно. И не имело значения, сколько он так пролежал – пять минут или пятьдесят пять. Он мог ещё столько же провалиться, если бы не услышал металлический шелчок. Слёзы сразу высохли, в голове мелькнула мысль: «Неужели он меня нашел?», и внутри всё похолодело от страха. Гриша осторожно приподнял голову и посмотрел по сторонам. Никого рядом не было. Когда мальчик уже решил, что ему это показалось, шелчок повторился. Источник этого звука был где-то рядом, но Гриша ничего не видел.

Внезапно послышалось приглушенное жалобное мяуканье, словно где-то рядом маленький котенок звал свою маму. Поднявшись с холодной земли, Гриша отряхнулся и пошел на звук мяуканья. Сделав несколько шагов, прямо перед собой он увидел черный ящик, стоящий под большим кустом. Подойдя ближе, Гриша увидел, что это и не ящик вовсе, а кованый сундук. Такие сундуки он много раз видел в репортажах про пиратов с отсталых планет, но в реальности – никогда. Писк котенка слышался из этого сундука.

Подойдя к сундуку, мальчик присел на колени. Будто почуяв его, котенок стал мяукать ещё громче, словно пытаясь докричаться до Гриши через толстые стенки своей кованой темницы: «Вытащите меня отсюда! Я голодный и испуганный! Помогите!»

«Интересно, а кто мог засунуть котенка в сундук и оставить его в темном лесу? – подумал мальчик. – Наверное, живодер какой-нибудь».

Где-то в отдалении послышались хлопки, свидетельствующие о том, что нужно торопиться, а то воспитатель догонит, откусит нос и вспорет живот. Но Гриша так давно мечтал завести котенка, ведь котята такие милые и пушистые! Он давно уговаривал родителей, а они взяли и купили ему рыбок. Рыбок, которые могут только жрать корм и плавать. А ещё воду в аквариуме нужно постоянно менять... То ли дело котенок! Это же ласковое, забавное существо, с которым можно играть целыми днями. Это тебе не бездушный робот – домашний питомец. Настоящий котенок это круто! Друзья сдохнут от зависти!

– Подожди, сейчас я тебя вытащу! – Гриша принялся ощупывать шероховатую поверхность сундука, пытаясь понять, как он открывается. Сейчас он возьмет котенка и, держа его в руках, побежит в ближайший населенный пункт и вызовет полицию. Оставалось только открыть сундук, а как он открывался – непонятно.

– Мяу! – слышалось изнутри. – Мяу!

– Сейчас-сейчас!

И тут палец Гриши наткнулся на маленькую кнопку в передней части сундука. Особо не задумываясь, он нажал на неё. Тут же в передней стенке сундука появились горизонтальные прорезы, из которых, со свистом разрезая воздух и вращаясь вокруг своей оси, вылетело несколько металлических дисков с острыми зубинами по бокам. Один из них срезал мальчику голову, остальные пробили тело насквозь и воткнулись в ствол дуба, стоящего за спиной Гриши, войдя в него более, чем на половину.

Призывный плач котенка стих. В траву упала Гришина голова, а через пару секунд на бок завалилось тело. Кровь, вытекающая из раны с ровными, почти идеальными краями, в темноте казалась черной, как чернила. Глаза Гриши были широко открыты и устремлены в небо, словно он разглядывал звезды на темном небе.

С верхушки дуба, тревожно каркая, сорвалась ворона. Она была почти лысой. Оперение осталось только на крыльях и на хвосте. Покружив в воздухе над опушкой, она приземлилась на землю, сложила крылья и стала осторожно приближаться к бездыханному телу, оглядываясь по сторонам. Подойдя к голове мальчика, она стала клевать глаз. Сначала она это делала осторожно, периодически отскакивая, но потом осмелела, села Грише на лоб и быстро выклевала оба глаза.

Раздался свист. Это из сундука вылетел ещё один диск, который разрезал ворону на две продольные части, подняв в воздух несколько перьев. Внезапный порыв сильного ветра разметал эти перья по опушке, после чего на непродолжительное время в лесу воцарилась тишина.

Просто сказать, что Федя испугался, когда воспитатель схватил Дашу и стал вгрызаться в её лицо – равносильно тому, что вообще ничего не сказать. Федя был так напуган, что намочил штаны от страха. И, как только фонтаном брызнула кровь девочки, Федя, не раздумывая, развернулся и побежал. Куда бежать – ему было безразлично, лишь бы подальше от Дениса Игоревича. Если он набросился на Дашку, то никто не даст гарантий, что он не нападет на других детей. Но Федя не столько переживал за других, сколько за себя, ведь он всегда был самым медлительным и толстым, из-за чего у него постоянно были проблемы. Пацаны раскурочат чужого робота – поймают Федю. Кто-то раскрасит стены домов похабщиной и нецензурной бранью – ловят Федю и всех собак вешают на него. После драк на заднем дворе школы убегали даже до крови избитые, с переломанными ногами, мальчики, а ловили Федю. Когда Федины друзья своровали в магазине коробку шоколада, охранники поймали тоже его, хотя он к шоколаду даже не притрагивался. Старшеклассники избивали и отбирали деньги тоже только у него. И таких случаев было много. И дело было не в том, что Федя притягивал к себе неприятности, а в том, что он притягивал к себе внимание из-за своего лишнего веса. Соответственно, бежал он медленно, что не раз сыграло с ним злую шутку.

Зная это, едва увидев, что назрела недетская заварушка в лесу, Федя припустил со всех ног. И, услышав топот за спиной, он не сомневался, что воспитатель выбрал его как самую легкую добычу, а потому погнался именно за ним. Поэтому Федя бежал с такой скоростью, которую только способен был развить пухлячок с толстыми короткими ногами, перепрыгивая через буреломы, продираясь сквозь заросли, ничего не видя перед собой. Отдуваясь и пыхтя, со стороны он напоминал катящегося через лес Колобка, ломающего всё на своём пути.

Боль иголками колола в боку, ветки больно хлестали по щекам, но он упорно бежал вперед, боясь остановиться и оглянуться назад. Он не остановился даже тогда, когда топот ног

за спиной прекратился. Перед глазами из темноты выныривали пни, поваленные стволы деревьев, кусты. Казалось, что этому хороводу не будет ни конца, ни края. А силы иссякали. Горячий пот заливал лицо. Осветленная челка прилипла ко лбу, упорно лезла в глаза.

Когда обессиленный Федя издал вопль отчаяния, из-за дерева вдруг вышла девочка лет десяти. Глядя на него бездонными голубыми глазами, она произнесла:

– Помоги мне, мальчик! Я заблудилась.

От неожиданности Федя шарахнулся от неё в сторону, как черт от ладана, но не остановился. Не сбавляя темпа, он прокричал на ходу:

– Беги, дура! Там маньяк...

И побежал дальше.

Впереди был холм, покрытый папоротником и малиной, слева – бурелом, а справа – заросли шиповника. Куда бежать? Не задумываясь, Федя натянул рукава куртки на ладони и ринулся через шиповник, каждым сантиметром своего большого тела чувствуя острые уколы. Да, было больно и неприятно. Но это было лучше, чем штурмовать крутой холм или прыгать через поваленные деревья, рискуя сломать ногу.

Шиповник закончился, начался ельник. Молодые ели росли так близко друг к другу, так плотно, что Федя застревал между ними. Где-то протискиваясь между деревьями, где-то ломая колючие елки, он всё же выскочил из еловых зарослей и оказался на поляне. Но, стоило лишь Феде облегченно вздохнуть, он почувствовал, как многолетний мягкий ковер из иголок уходит из-под его ног, и он падает вниз, кувыркаясь и стучаясь головой и спиной обо что-то твердое.

Он упал на спину, на дно глубокой ямы. Сразу же всё его тело пронзила острая, нестерпимая боль, и он закричал. Федя пытался пошевелить руками и ногами, но не мог этого сделать. Его словно что-то крепко держало, причиняя адские страдания. В какой-то момент Федя смог приподнять голову. Но лучше бы он этого не делал, потому что, когда его взгляд упал на руку, он увидел, что рука проткнута насквозь острыми деревянными кольшками, концы которых торчали из его плоти, окрашенные кровью. И он закричал ещё громче. В его крике были всё: боль, страх, отчаяние.

Где-то наверху раздался шорох, послышались странные звуки. В глубине души мальчика затеплилась надежда, что это люди, и они ему помогут, вытащат его из ямы. Он даже перестал кричать, только плакал, захлебываясь от душивших его рыданий.

«Помогите!» – крикнул он, с надеждой глядя вверх со дна ямы.

Сначала сверху полетели комья земли, а потом Федя увидел самых настоящих эльфов. Они были небольшого роста, не больше двадцати сантиметров, с заостренными ушами. Глядя на них, Федя даже перестал чувствовать боль и замер, приоткрыв рот от удивления. А как тут не удивляться, ведь Федя был уверен, что эльфы – сказочные существа, в реальном мире их не существует. А тут десяток самых настоящих эльфов стояли у края ямы и с интересом рассматривали Федю. Несколько эльфов парили в воздухе над ямой, часто махая своими полупрозрачными крыльями. На крылатых эльфах были надеты обтягивающие костюмы, сшитые из разноцветных лоскутов ткани. На бескрылых эльфах, которые, судя по округлым формам, были женского пола, были надеты разноцветные платья. Волосы и пещих, и крылатых эльфов были белыми и напоминали тополиный пух.

Эльфы переговаривались между собой, жестикулируя и показывая пальцами на Федю. Голоса их были тихими и писклявыми. И, если бы не адская боль, Федя сказал бы, что смешнее голосов ещё не слышал.

Когда один из эльфов поднял вверх большой палец руки, эльфы ненадолго пропали из поля зрения Федора, но, судя по звукам, раздающимся сверху, они не ушли. Они что-то подтаскивали к краю ямы. Федя был уверен, что сейчас эти волшебные существа спасут его и даже, преодолевая боль, улыбнулся, когда они снова появились. Но улыбка сползла с его лица,

а из груди вырвался крик, когда он увидел, ЧТО они подтаскивали к краю ямы. Это был большой камень.

Один из крылатых эльфов махнул рукой. Бескрылые эльфы, дружно навалившись на камень, подтолкнули его, и он полетел на дно ямы. Когда он достиг дна, крик Феде оборвался, а его кровь забрызгала дно и стены земляной ловушки, из которой мальчику уже не суждено было выбраться живым.

Крылатый эльф опять показал большой палец руки. В яму полетели концы тонких веревок, сплетенных из травы. По ним стали спускаться десять эльфов женского пола. У всех у них за спинами были мешки и миниатюрные пилы в чехлах. Некоторые эльфы доставали из чехлов пилы, даже не достигнув дна.

Один из летающих эльфов вдруг что-то заметил и крикнул остальным об опасности. Бескрылые эльфы сразу же вылезли из ямы и растворились в густой траве, оставив свои веревки. Эльфы с крылышками быстро взлетели вверх и спрятались в кронах деревьев. На поляне стало тихо, и птицы замолчали. Повеяло дымом.

Разделавшись с кархом, Коля засунул свое оружие в кобуру, дошел до входа в тоннель и скрылся в темном подземелье. Пень автоматически встал на своё место. Но не прошло и минуты, как пень снова отодвинулся, и из-под земли поднялся всё тот же гном, только в серебристом защитном костюме и в шлеме. Со стороны он был похож на астронавта. Да, в защитном костюме, который был на Коле, можно было выходить в открытый космос, но предназначен он был только для наземных операций.

За спиной гнома были два небольших баллона, от которых к костюму и к круглому шлему шли тонкие трубки. Поверх костюма на Коле был надет такой же серебристый разгрузочный жилет с множеством оттопыривающихся карманов.

Едва гном ступил на землю, вход в тоннель закрылся. Поляна уже горела, но гнома это несколько не смущало, ведь он много раз в своей жизни оказывался в ситуациях и похлеще.

Приложив руку к шлему, он включил режим сверхвидения и сразу же узрел цепочки детских следов, расходящиеся в разные стороны.

«Эх, дети-дети, – пробормотал он, зная, что его никто не слышит, так как герметичный шлем не пропускает никаких звуков, за исключением случаев, когда включен микрофон. Но в тот момент микрофон, соединенный с встроенными в костюм динамиками, был выключен. – Что же вы такие непослушные, а? Вот послушали бы меня, остались на месте, и были бы живы. Выросли бы, женились, наплодили детей. А так... Уничтожай сейчас ваши останки, трать своё драгоценное время!»

В том, что все дети погибли, Коля не сомневался. Уж больно хорошо он знал кархов. Также он знал, что эти гуманоиды – мастера по изготовлению смертельных ловушек и капканов. Если карх решил кого-то съесть, этот «кто-то» обречен. К гадалке не ходи.

И в этот раз всё получилось, как всегда – много крови, трупы. Коля нашел все ловушки, установленные кархом, все тела и заминировал их. Единственный вопрос, который возник в голове гнома: когда карх успел установить все ловушки? В одиночку он устанавливал бы их дня три, не меньше, ведь требовалось время на разведку местности, на доставку ловушек к месту охоты и на установку их. Может, ему кто-то помогал? А если это так, то помощником мог быть только карх, который сейчас должен быть где-то рядом. Но супервидение показывало, что живых кархов в радиусе пяти километров нет. Почему именно пять километров? Да всё просто – дальше шлем не «видит».

Всё было, как всегда, ничего нового. Но удивила гнома последняя жертва – толстый мальчик. Он каким-то образом не попал в ловушку карха, но угодил в западню, устроенную эльфами. Из ловушки эльфов он выбраться не смог. Это называется судьбой. Если мальчику суждено было погибнуть, он бы все равно погиб. Если бы его не убили эльфы, он бы заблудился

в лесу и умер бы от голода или от переохлаждения. Также на него могли напасть дикие звери. От саблезубых тигров он точно не ушел бы.

А ведь многие гномы почему-то не верят в судьбу, считая, что всё подчиняется случаю. Ну и пусть не верят. Зато Коля точно знает, что против судьбы не попрёшь. Если уж суждено жить долго – будешь жить, несмотря ни на что. А вот если на роду написано – умереть, не дожив до ста лет, обязательно помрешь, каким бы ты осторожным или предусмотрительным не был.

Так думал гном, глядя на красную стрелочку, мигающую в правой верхней части стекла защитного шлема. Стрелка указывала направление, в котором находился другой вход в подземный тоннель. Под стрелкой бегущей строкой указывалось расстояние до люка – пятьдесят шагов, сорок восемь, сорок семь...

Лес за спиной Николая уже полыхал вовсю. Густой дым стелился по земле. В дыму мелькали силуэты эльфов. Они тащили на себе подпалённые тушки зайцев, лисиц, волчат и оленят. У других пеших эльфов из заплечных мешков торчали куски мяса. На некоторых кусках виднелась шерсть.

Над головой пролетели несколько крылатых эльфов. Сбившись в кучку, они несли по воздуху ногу косули. Видать, ноша была не по ним, и через несколько десятков метров они уронили её на землю и с недовольным ворчанием разлетелись в разные стороны.

Наблюдая за ними, гном подумал, что, наверное, нет ни на одной планете более тупых существ, чем эльфы. Вместо того, чтобы спастись от огня, они лезут в самое пекло и убивают спасающихся от пожара животных. Конечно, хорошо охотиться, когда зверь сам на тебя бежит в большом количестве, но рисковать своей жизнью ради еды – слишком глупо! Поэтому эльфов называют низшими. И пусть они обижаются!

Мимо пробежал эльф с обгорелыми крыльями, держа в руках мертвую белку. Коля хотел дать ему пинка кованым сапогом, но в последний момент передумал, решив, что не стоит тратить время и силы на это ничтожество.

А огонь уже припекал. И Николай чувствовал, как от его яркого света растут волосы и борода, как зудит и чешется от этого кожа. Гномы потому и живут под землей, что не переносят яркого света. Они сразу же начинают превращаться в ходячий комок шерсти и чешутся, постоянно чешутся. И, если бы кто-нибудь из людей увидел, как чешется гном, тут же в народе появились бы сказки про то, как гномы чешутся об камни, об деревья, об заборы и об стены домов. Но могут ведь насочинять и про насекомых, живущих в густой растительности гномов. Люди ведь не знают, что гном, попадая в подземелье, в первую очередь проходит дезинфекцию, а потом удаляет с тела все отросшие волосы. И через эту процедуру проходят абсолютно все, вне зависимости от возраста и статуса. Исключение делается только для женских особей. Но они, как правило, живут на глубинных уровнях и на поверхность не поднимаются.

Тем временем огонь обступал Николая со всех сторон. Нужно было поторопиться, иначе белая растительность заполнит весь костюм и шлем. А это, в свою очередь, затруднит передвижение. Эх, сейчас бы помыться, гладко побриться и лечь спать!

Стрелка перед глазами превратилась в пульсирующую точку, указывая на вход в подземелье. Наконец-то нашел!

Отпихнув ногой пень, Коля встал на платформу. Когда она начала плавно опускаться вниз, он облегченно выдохнул. В трубе подъемника он думал о том, что ему осталось ликвидировать двух кархов, четверых водяных или десять эльфов. Тогда он сможет поселиться на третьем уровне, где самые безопасные условия для жизни, вкусная еда, а не какие-то полуфабрикаты. И совсем не нужно будет подниматься наверх. Там, на третьем уровне, он сможет жениться на молодой гномихе, которая нарожает ему кучу маленьких гномов. Они безбедно будут жить в просторном отсеке и получать пособие как семья, имеющая потомство. Эх, скорее бы! Да только кархов почти всех уничтожили. А те, что выжили, стали осторожными и прячутся. Водяные – тоже не вариант, так как в воде Коля всегда чувствовал себя диском-

фортно, особенно после того, как его проглотил емангарский змей. Эльфов трудно ловить, так что эльфы тоже отпадают. Вот и остается ждать удобного случая и надеяться, что подвернется под руку какая-нибудь тварь, убив которую Коля получит всё, о чем мечтает. И будет трахать гномиху, а не робота.

Детский лагерь «Лесная сказка» закрыли только через месяц после описанных событий. И связано это было не с пропажей нескольких детей и воспитателя, а с нарушением норм санитарии, повлекшей за собой острое пищевое отравление десятка детишек, повара и сторожа. История умалчивает, кто приложил к этому руку – кархи, эльфы, гномы или люди.

Так как тел детей найдено не было, их несчастные родители верили, что дети с воспитателем ушли от пожара и заблудились. Всем казалось, что в любой день детишки найдутся, и в один прекрасный момент раздастся звонок в дверь, а на пороге будут стоять их сыночки и дочки, живые и здоровые.

Но, как говорится, надежда умирает последней. И родители пропавших детей унесли эту надежду с собой в могилу, так и не дождавшись своих отпрысков и не смирившись с их смертью.

Глава 2

А на далекой планете Земля, в городе Лемске жил Владимир Кипятков – брюнет сорока двух лет от роду, с едва пробивающейся сединой на висках и наметившимся пивным животом.

Если бы кто-то рассказал ему о том, что произошло в лагере «Лесная сказка», он бы послал к чертям рассказчика и сказал бы, что не любит фантастику. А ещё он посоветовал бы приберечь эти сказки для кого-нибудь попроще и не морочить ему голову. И дело было не в том, что Владимир не верил ни в мистику, ни в фантастику и не любил читать художественную литературу. Дело было в том, что в жизни Владимира Кипяткова всё было логично, понятно и укладывалось в привычную для него картину мира. На всё остальное ему было наплевать.

Не было в его жизни места фантастике или погибшим от руки карха детям. Были только цели, которые он ставил перед собой и любыми способами достигал. По возможности, конечно.

В семнадцать лет он закончил школу и поступил в институт на экономический факультет. В восемнадцать лет он «откосил» от армии из-за искривления позвоночника и занялся бизнесом, перейдя на заочное отделение. В девятнадцать лет женился на сокурснице Марине, в двадцать лет стал отцом. В двадцать один год у него уже была своя квартира, в двадцать два года он купил машину, в двадцать три получил красный диплом и ушел из бизнеса сразу после того, как бандиты расстреляли двух его компаньонов. Причем, смерть друзей он увидел, лежа под днищем своей машины. И, будь он на тот момент толще и не влезь под новенькую «Тойоту», лег бы замертво в грязь вместе со своими товарищами.

Он выжил, и не было в этом ничего сверхъестественного. Спасли только самообладание и холодный расчет. Но сразу после этого ему пришлось перебраться с супругой из криминального Екатеринбурга в тихий Лемск, где его сразу же пригласили работать в банк «ЛКБ», который позже переименовали в банк «Лемск-финанс». В том же году Марина родила ему дочь, которую назвали Ирой.

Всё шло как по маслу – без сучка и без задоринки, пока Ирка не объявила родителям, что беременна и хочет выйти замуж.

– Ты с ума сошла? – вытаращив от возмущения глаза и брызжа слюной, кричал Владимир. – А как же институт?

– Подождет, – спокойно ответила тогда отцу Ирина. – Выйду замуж за Мишу, уйду в академку, потом рожу и восстановлюсь. Главное – выйти замуж, а остальное – потом.

– Как потом? – не унимался Владимир. – Что может быть главнее образования? Ты что, хочешь фасовщицей в магазине работать?

Владимир был вне себя от злости, готов был собственными руками сделать аборт своей неразумной дочери и задушить Мишу, но Марина грудью встала на защиту своей любимой доченьки и сказала Владимиру:

– Не лезь к ребенку! Не мешай Ирочке жить. Она у нас девочка взрослая, умная, со всем справится.

Справится? Ирина была единственным человеком в семье, в интеллектуальных способностях которого Владимир сильно сомневался. Когда Миша обхаживал её, она все уши Владимиру прожужжала о том, какой жених у неё хороший, умный и из богатой семьи. Только перед свадьбой выяснилось, жених – самый настоящий нищоброд, все его родственники – такие же нищоброды. У них денег не было не только на организацию свадьбы, но и на приличный костюм для жениха. На свадьбе Миша был в старомодном мятом костюме, покрытом катышками и белыми пятнами. Ещё костюм был ему мал. Глядя на свекра своей дочери, Владимир понял, что это его костюм. Это в нем он много лет назад женился на своей клюшке с дурным запахом изо рта, нажрался, где-то упал, порвав пиджак под мышками. А ещё его стошнило. Отсюда и пятна. Трудно не блевануть, когда целуешься с такой носатой страшилкой.

До чего же Владимиру тогда хотелось собрать в кучу всех родственников Михаила и вытолкать их в шею из ресторана, но – к сожалению! – нельзя. Он же пообещал своей супруге, что не будет мешать Ирочке жить. К тому же, если верить Марине, дочь у них умная и знает, что делает, за кого замуж выходит. Но это только Марина так думала. На самом же деле всё было далеко не так. И, как знать, не выйди Ирка тогда замуж за этого балбеса, то, может быть, потом всё было бы по-другому. Мало того, что зять оказался бедным, так ещё выяснилось, что жить им с Ириной негде, хотя перед свадьбой Мишаня бил себя в грудь кулаками и говорил, что у него жилищных проблем не будет. Как бы ни так! У них был деревянный домик в поселке Калашниково, в котором Миша жил с родителями, двумя братьями, их женами. А ещё у братьев были маленькие дети. И все удобства были на улице. В баню господ Батраковы – такая уж недворянская у них фамилия – раз в неделю ходили мыться к соседям. Понятное дело, в таких условиях Миша жить не мог. Ни о какой личной жизни тут не могло быть и речи. Именно поэтому наш «олигарх» из поселка Калашниково перебрался в Лемск, где жил в общежитии. После свадьбы он предложил Ирине переехать в его тесное, но уютное гнездышко, но Ира, будучи единственным ребенком в семье, привыкшая ко всему лучшему, отказалась. Владимир подкинул молодоженам мысль – снимать квартиру, но, как выяснилось, зарплата у Миши была более, чем скромной, а Ира нигде не работала, поэтому молодые не могли себе позволить такую роскошь. Тогда Марина, не посоветовавшись с Владимиром, предложила молодым жить у них. Вот это была фатальная ошибка! Владимир, когда узнал об этом, чуть не лишился дара речи. После свадьбы он на дух не переносил Мишу, видеть его не мог, а тут – на тебе! – Миша поселится в его квартире. Узнав об этом, Владимир ненадолго ушел в запой, но, выйдя из него, сказал, что пусть дети живут в его квартире, но до первого «косяка». Иначе придется им отправиться в общагу.

Какое-то время молодожены вели себя тихо, но потом, когда они забыли о словах Владимира, началось: то шумят, то ругаются, то ломают мебель и электроприборы.

Миша постоянно менял места работы, что тоже подливало масло в огонь. Этот поселковый олигарх почему-то считал, что ему должны большие деньги платить только потому, что он вообще в той или иной организации работает. А когда до него доходило, что больших денег ему не видать, как своих ушей, он увольнялся. Ну, не мог Мишаня понять, что для того, чтобы зарабатывать хорошие деньги, нужны ум и образование. У этого колхозника с замашками жиголо не было ни того, ни другого. Вот и влачили они с Ирккой жалкое существование, да ещё денег в долг у Владимира с Мариной постоянно просили. При этом Миша умудрялся напиваться по вечерам и скандалить.

Владимир думал, что когда у них родится ребенок, Миша повзрослеет, но и тут он ошибался. Миша как пил, так и продолжал пить, совсем не интересуясь своей дочерью, которую они назвали Кристиной. Володя всё мог понять, но этого – никогда.

Однажды, когда Мишаня заявился домой пьяным, Владимир припер его к стенке и потребовал объяснений. Не услышав внятного ответа на свои вопросы, Володя решил достучаться до мозга своего зятя в прямом смысле этого слова и устроил ему такую трепку, что Мишаня летал по коридору и повизгивал, как испуганная собачонка. А Владимир так увлекся, что чуть не вышиб из Мишеньки дух. И неясно, чем бы это закончилось, не вмешайся Марина.

– Ты что, Вова? – кричала она. – Не лезь к детям! Это их дела!

– Не трогай его, папа! – повиснув на руке, кричала дочь.

Где-то в глубине комнат во всю мощь легких закричала внучка. Её вопль был таким громким, что даже стекла в окнах зазвенели. У Владимира в тот момент возникло ощущение, что кто-то невидимый пытается электродрелью просверлить дырку в его голове. Отпустив перепуганного Мишу, он растер виски.

– Я не хочу больше жить под одной крышей с этим тунеядцем, – произнес он, тяжело дыша. – Мне всё это надоело. Пусть собирает свои манатки и валит отсюда на все четыре стороны!

– Если он уйдет, то только со мной! – сказала Ира и скрылась в комнате. Вопль ребенка тут же смолк.

– Вот и прекрасно! – парировал Владимир. – Хоть пару ночей посплю нормально...

– Ты дурак, что ли? – глядя на супруга, спросила Марина. Её руки были уперты в округлые бока, обтянутые темно-синей комбинацией, что делало её похожей на грозовую тучу. – Ты хочешь среди ночи выгнать на улицу дочь с маленьким ребенком?

– Ты слышала, чего я хочу! – ответил ей Владимир.

Надев ветровку, он открыл входную дверь и вышел за порог.

– Ты куда это собрался на ночь глядя? – послышался голос жены у него за спиной.

– На Кудыкину гору, – не оборачиваясь, бросил он ей в ответ.

А под Кудыкиной горой он подразумевал свою дачу, купленную им в две тысячи десятом году. Конечно, жена была против этой покупки. Она говорила ему, что лучше купить новую квартиру большей площади, чем тратить на загородный дом. Но Владимир тогда был непреклонен, ведь ему нужна была эта дача. Хотя заядлым огородником он не был и не особо любил природу, но он понимал, что в жизни всякое бывает. И как бы дружно они с Мариной ни жили, когда-нибудь всё равно поссорятся, и ему нужно будет денек-другой пожить отдельно, чтобы всё обдумать и избавиться от негативных эмоций. А где можно пожить, как не на даче, где всё есть – интернет, электричество, своя скважина, электрический водонагреватель и баня. И, пока Владимир на даче, Марина туда никогда не приедет, ведь машина у них одна на двоих, а на общественном транспорте жена никогда туда не поедет, так как не царское это дело – в наполненных бабками и дедками автобусах ездить. А до работы она как-нибудь на маршрутном такси доберется.

Выруливая на пустое загородное шоссе, Владимир улыбался. И радовался он не тому, что в очередной раз всех их «сделал», а тому, что хоть немного отдохнет от орущего ребенка, от зятя-неудачника, от двух дур, с одной из которых он больше двадцати лет делил ложе.

Отдохнуть и прийти в себя у него действительно получалось. Днем он работал, вечером приезжал на дачу, где смотрел телевизор и пил самогон. Иногда он мог долгими часами играть в компьютерные игры.

Про самогон стоит сказать особо. Когда-то давно покойный дед Владимира смастерил самогонный аппарат и весь остаток жизни гнал для себя самогон. Прожил дедуля девяносто шесть лет и умер, оставив Владимиру в наследство аппарат со змеевиком и тетрабочку, где корявым почерком был записан рецепт приготовления самогона. Своему напитку дед даже

название придумал – «Удар под дых». Так как дед своим примером показал Владимиру, что долголетие и самогон – вещи вполне совместимые, Владимир начал потихоньку гнать огненную жидкость и за незначительный промежуток времени заставил бутылками с «Ударом под дых» все полки в погребе, оставив только одну, в самом дальнем конце погреба, под соленья и варенья. Но она всегда пустовала, покрывалась пылью.

«Удар под дых» отлично шел и с салом и без, на закате дня и утром выходного дня, перед камином и перед телевизором, в компании и в одно лицо. Главное было – не переборщить с дозировкой, иначе можно было выпасть в глубокий осадок. А процесс выпадения в осадок, как показала практика, мог начаться где угодно – и дома, и на улице, и в гостях, и в магазине и даже в погребе.

Несмотря на то, что Владимир с Мариной работали в одном банке, она целых три дня не искала встречи с ним – не звонила по телефону, не ломилась в дверь его кабинета, как это часто бывало, не засыпала его сообщениями по электронной почте. Обиделась.

К сожалению, обида её длилась не так долго, как того хотелось Владимиру. На четвертый день, выходя из офисного здания, он увидел её, одиноко стоящую у его «судзучки».

– Открой машину, – сухо сказала она.

– Пожалуйста, – он нажал на кнопку брелока сигнализации, с сожалением подумав о том, что внезапно свалившееся на него счастье скоро закончится, и временной свободе придет конец. – Тебе куда?

– Туда же, куда и тебе, – не глядя на него, сказала жена. – На дачу.

– Как скажешь...

И больше они не проронили ни слова. И в дороге, и на самой даче оба молчали. Между ними появилась напряженность размером с пропасть, которой раньше, несмотря на многочисленные ссоры, между ними не было. Эту напряженность не помог даже снять примирительный секс, который был у них вечером, от которого Кипятков был не в восторге.

– А когда ты домой поедешь? – спросил жену Владимир, едва закончив процесс примирения и нарушив режим молчания.

– Когда и ты, – ответила она.

– Не понял, – Владимир, внутренне напрягся. – Поясни....

– Чего тут не понять? – Марина кашлянула в кулак. – Я решила дать детям возможность пожить одним, чтобы разобраться в себе и укрепить семью. Может, Мишка к браку более ответственно относиться станет. Пусть ненадолго, но он будет полноценным главой семейства...

– Ну-ну, – с сомнением пробурчал Владимир.

Впрочем, Марина не уловила скептические нотки в его голосе и, как ни в чем не бывало, продолжала:

– Пускай лето поживут самостоятельно, подкопят деньги, а потом пусть ищут квартиру. А мы с тобой пока поживем здесь, да?

– Ага! И засрут мне всю квартиру!

– Вовчик, ну не будь таким бякой, – она поцеловала его в висок и придавила руку.

– А-ай! – Владимир не без труда выдернул руку из-под жены, скорчил болезненную гримасу.

Видать в темноте Марине показалось, что он улыбается. Она ещё раз навалилась на ту же руку, ещё раз поцеловала его в висок.

– И все-таки ты меня любишь...

– Да, люблю, – простонал Владимир, в очередной раз выдернув из-под массивного тела супруги многострадальную руку, согнул её в локте, как ребенка прижал к груди и перевернулся на бок. Уткнувшись лицом в стену, он подумал: «Какая же ты дура, Марина! Толстая, неповоротливая дура!»

Глава 3

Увы, Миша не оправдал ожидания Марины. Побыв недельку полноценным *pater familias*ом, отцом семейства и домовладыкой, Мишаня стал пить ещё больше. Об этом Владимиру постоянно по телефону сообщал сосед, живущий этажом ниже – Сергей Фокин. Он же сообщил Володе, что Мишаня как-то ночью затопил его, и Владимиру пришлось срочно снимать деньги со счета, чтобы компенсировать Фокину моральный и материальный ущерб. Хотя это и ущербом трудно было назвать. Так, небольшие разводы на потолке. Ещё через неделю «агент» Фокин сообщил Владимиру, что Ирина с Мишей каждый вечер ругаются, бьют посуду. Ребенок постоянно вопит и мешает спать всему подъезду. Мишку, похоже, в очередной раз с работы уволили. Он целыми днями или возле подъезда ошивается, или в магазинах в очередях стоит. Причем, чаще всего покупает не детское питание и подгузники, а водку и пиво.

Владимира эти новости не расстраивали. Более того, он радовался, когда слышал их. Он только и ждал, когда жена скажет «фас!», чтобы приехать в свою квартиру, ещё раз избить Мишу и вышвырнуть его вон. Да так, чтобы он своей противной прыщавой рожей все ступеньки в подъезде пересчитал. Но Марина почему-то отмашку не давала. А без слова «фас!» у Владимира опять ничего бы не получилось.

Марина не сказала «фас!» даже после того, как заплаканная Ирка позвонила ей в два часа ночи и сказала, что Мишка изменяет ей с какой-то «шалашовкой». Якобы она лично видела, как Мишка в подъезде зажимал малолетнюю даму, не обремененную строгостью нравов, и лез ей под юбку.

А «агент» Фокин видел, как Миша этой «блядине» не только под юбку залез, но и «засадил по самые помидоры» прямо напротив двери его квартиры. И Серега целых три минуты бесплатно смотрел порно через дверной глазок.

Молчание Марины напрягало и удивляло Владимира. Он не переставал удивляться: сколько можно терпеть проделки этого Миши? Но ещё больше он удивился, когда узнал, что Ирка сама выгнала Мишаню и живет сейчас с другим мужиком.

Опять-таки, если верить Ирине, мужичок тот оказался непростым – москвич, его семья владеет сетью продуктовых магазинов и закусовых. Но про Мишаню она тоже говорила, что он весьма состоятельный... Так что, эти разговоры Владимир воспринимал как очередную красивую сказку.

Когда в один прекрасный момент Марина спросила по телефону у дочери, почему та ещё не в Москве, Ирина ей ответила, что Игорь – так звали очередного претендента на роль мужа, – купил новую квартиру в Москве. Когда закончит ремонт в квартире, вернется за ней и Машей.

Краем уха слушая переговоры жены и дочери, Владимир тогда думал, что Ирка или полная кретинка, или всех других считает кретинами. Но был возможен и третий вариант – Ирина нашла себе дурака, который женится на ней, и его даже не смутит, что она уже с «киндер-сюрпризом».

Оказалось, что Игорь страдал бесплодием, от чего развалился его предыдущий брак. И он безумно обрадовался, когда узнал, что у Ирины уже есть ребенок. А то он уже подумывал усыновить ребенка из детдома, но по непонятным причинам его эта мысль страшила.

А через два месяца, когда начал таять снег, Ирка позвонила Владимиру на работу и сообщила, что она уже в Москве.

– Если хочешь посмотреть на нашу новую квартиру, загляни в свой электронный почтовый ящик, – радостно прощебетала она в трубку. – Я уже фотки тебе выслала.

– Посмотрю на досуге, – без энтузиазма в голосе сказал Владимир, кладя трубку, тут же полез в электронную почту и стал рассматривать фотографии роскошных апартаментов с евро-ремонтom и окнами во всю стену. Из окон была видна именно Москва, а ни какой-нибудь Мухоморск. Несколько раз пройдясь по фотографиям, Кипятков растерянно произнес – Как... Как у неё это получилось?

Да, у неё это получилось! А ведь когда она вышла замуж за Мишу, Владимир думал, что тупой пролетарий – вот её удел. А тут, оказывается, его дочь способна и нормальному мужику голову вскружить. Наверное, умеет что-то делать, чего не могут даже москвички.

До чего же Владимир обрадовался! Он был рад и за дочь, которую считал непутевой, и за себя любимого, ведь ему так надоело жить на даче! А в городе есть кинотеатры, кафе, аквапарк, боулинг. Не нужно будет просыпаться спозаранку, чтобы на работу не опоздать. Отныне можно будет просыпаться за час до начала рабочего дня, как просыпаются все нормальные люди. А ещё Володя планировал продать свою «судзучку» и купить что-нибудь новее, сделать в квартире ремонт и отдохнуть на Мальдивах.

Увы, его планам не суждено было сбыться в силу ряда причин: во-первых, на дворе стоял две тысячи четырнадцатый год. К России только недавно присоединился полуостров Крым, и, как гром среди ясного неба, грянул экономический кризис. Сам по себе гром Владимиру был не страшен. А вот кризис – да, ведь они с женой Мариной работали в банке «Лемск-финанс», из которого их обоих в рекордно короткие сроки «попросили» уволиться. Разумеется, они оба понимали, что уволиться нужно и желательно – без лишнего шума, иначе потом снова устроиться в банк будет проблематично. Увы, это был не первый кризис в их жизни. Первый был в две тысячи восьмом. Тогда их тоже «ушли». Впрочем, в этом не было ничего удивительного, ведь в кризисные времена банки стараются сокращать кредитование физических лиц. А профессиональная деятельность и Владимира, и его супруги как раз была связана с кредитованием «физиков». Он работал в службе экономической безопасности, она – в кредитном отделе. И хорошо, что у них фамилии были разными, иначе их уволили бы ещё раньше, ведь в банке «Лемск-финанс» родственные связи не приветствовались. Видать, не зря Марина не захотела брать фамилию мужа и становиться Кипятковой. Но девичья фамилия у неё была ничуть не лучше – Рожина.

Получается, коварная судьба-злодейка в очередной раз подкинула Владимиру сюрприз с неприятным душком, и ему пришлось отложить реализацию своих планов на неопределенное время, ведь первоочередной задачей на тот момент было найти работу. И они искали. Только это была пустая трата времени. И Владимир, и Ирина понимали, что найти нормальную работу в кризисное время нереально. Конечно, на рынке труда были предложения, но переквалифицироваться из белых воротничков в синие ни Володе, ни Марине не хотелось. К тому же, учредитель банка «Лемск-финанс» – Марк Израилевич, которого работники банка называли Маркизом, – пообещал всем уволенным работникам банка, что лично позвонит каждому и предложит вернуться назад, как только ситуация в стране немного нормализуется.

И Володя с Мариной ждали. Но ни через месяц, ни через два Маркиз им не позвонил. Чтобы ожидание проходило в достатке и сытости, пришлось сдать квартиру в Лемске предпринимателю с Кавказа. Конечно, идеальным арендатором жилья Владимир представлял славянина без вредных привычек. Но где такого найдешь? И что поделаться, если в кризис славяне резко потеряли интерес к съемным квартирам? У Владимира даже сложилось впечатление, что все славяне Лемска разом решили свои жилищные вопросы. Но в тот момент ему не было особой разницы, кому сдавать квартиру, лишь бы деньги вовремя платил. А Магомеду так понравилась квартира, что он заплатил за полгода вперед и даже торговаться не стал. Владимир тогда даже подумал: может, он продешевил? Может, нужно было взять с Магомеда в два раза больше? Но, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе. И это Владимира успокаивало.

Только мучил его вопрос: почему Маркиз ему не звонит? Неужели всё так плохо? А может, этот старый жид просто забыл о своем обещании? Когда Владимир попытался дозвониться до Маркиза, все телефоны Марка Израилевича почему-то отказались отключенными. Махнув на это рукой, Володя решил продолжать жить, в глубине души надеясь, что Марк Израилевич всё-таки позвонит ему. Владимир каждый день представлял, как он сидит на крыльце

в своём любимом кресле-качалке, большие и рыхлые ягодицы жены, как всегда, возвышаются над клумбой с цветами, и тут раздаётся звонок на мобильник. Он говорит «алло!», и знакомый старческий голос в трубке произносит: «Возвращайся, Вова! Ты мне нужен! Платить будем больше, чем до кризиса». Но шли дни за днями, за неделями – месяцами, а телефон молчал.

Готовясь к худшему, Марина даже смогла отвоевать у Владимира несколько грядок, на которых она посадила капусту, свеклу, морковь. Почему именно отвоевала? Да потому, что Кипятков всегда был против «ковыряния в земле». А соседей, у которых на участке кроме клумб и газонов были грядки, презрительно называл мазохистами. А тут он упирался совсем чуть-чуть и сдался под мощным натиском Марины. Махнул рукой, дескать, делай, что хочешь! И было этому вполне логичное объяснение: за долгие месяцы, проведенные на даче, Владимир смертельно устал от своей жены. Он радовался, когда она целый день ковырялась на грядках, уезжала за покупками в магазин или уходила в гости к соседям по даче. Ему было все равно, чем занимается Марина, лишь бы не пересекаться с ней в доме, потому что почти каждая встреча с ней заканчивалась ссорой, после которой уже не следовало никаких примирительных процедур. Только пожив с супругой на даче, Владимир понял, что уже не любит её и не хочет. Те чувства, которые когда-то заставляли учащенно биться его сердце, давно умерли. Он даже подумывал о разводе. А что он при этом потеряет? Да ничего! Да, он знал, что имущество, нажитое супругами за годы совместной жизни, после развода делится пополам. Но за годы, прожитые в браке, они скопили столько добра, что его смело можно разделить на три или на четыре части и все равно жить не бедно. И будут они жить счастливо, но раздельно. И Владимиру оставалось лишь найти подходящую кандидатку на должность новой жены. Но прежде, чем начать поиски, ему нужно было устроиться на работу, ибо он понимал, что, находясь в статусе безработного, не может быть интересен ни одной нормальной женщине. А на ненормальных он уже вдоволь насмотрелся. Его уже подташнивало от них.

Всё упиралось в звонок от Маркиза. Можно сказать, в то время судьба Владимира зависела от звонка старого еврея. Но Владимир и сам не терял времени зря. Он постоянно смотрел объявления в интернете о вакансиях в банках, отправлял резюме, созванивался с руководителями подразделений, несколько раз ездил на собеседования.

Если сначала он рассматривал вакансии только банков, то после стал обращать внимание и на вакансии прочих коммерческих организаций, хотя работа вне банка была для него менее привлекательной.

На собеседованиях Владимир чувствовал себя каким-то лохом, ведь поиски работы были для него чем-то неприятным и унижительным. Зачастую собеседоваться приходилось с молоденькими девицами ни мозгами, ни образованием, ни опытом работы не обремененными. Общаясь с ними, Кипятков с трудом сдерживался, чтобы не ударить кого-нибудь или не обозвать тупой сучкой. Особенно бесили сиськастые и губастые, идеально созданные только для перепихона для минета. На большее, похоже, их интеллектуальных способностей не хватит.

Эх, знал бы кто-нибудь из тех работодателей, которым Кипятков отсылал свои резюме, какими делами он занимался в девяностые, его бы с коврами дорожками и оркестром встречали! Но, как это ни печально, все встречи проходили скромно даже по меркам Лемска. Нынче времена пошли не те и дружбой с покойными Кирпичом и Пузырем никого не удивишь. Кто их помнит? Да никто! Вот и оставалось Кипятку отправлять свои резюме всяким денежным мешкам и чувствовать себя проституткой, предлагающей себя клиентам за деньги. И ведь, если его возьмут на работу, будут деньги и будет секс. Только его, Владимира Кипяткова, будут дрючить за всякую ерунду, а платить копейки.

Эти мысли не прибавляли оптимизма и желания быстрее найти работу. Ведь, по сути, он найдет в лице работодателя того, кто ему за несчастную подачку весь зад раздраконит, и при этом будет думать, что Кипятков должен терпеть, ведь ему такие деньжищи платят! Все они – работодатели – хотят одного, только выглядят они по-разному. Одни работодатели респек-

табельные, лощенные и напомаженные, другие – смотреть без слез невозможно. Вот и думай, кому отдаться. Да нет ничего более унижительного и противного, чем поиск работы! Наверное, поэтому, когда очередной работодатель вежливо отфутболивал Кипяткова, он особо не расстраивался.

Это не я вас не устраиваю, а вы меня, суки! Пошли вы все в жопу!

Но Марина тоже не могла найти работу, хотя всегда более уважительно относилась к работодателям. Но в её неудачах тоже не было ничего удивительного, ведь она отправляла свои резюме в те же организации, что и Владимир, претендуя на те же должности.

Везде в конце собеседований им говорили одно и то же: «Ждите, мы с Вами свяжемся». Сообщения по электронной почте от предполагаемых работодателей были того же содержания. Разумеется, после этого никто с ними не связывался.

Чтобы не сойти с ума от скуки, Владимир начал активно осваивать социальные сети. Причем, он зарегистрировался во всех известных ему социальных сетях, чего раньше никогда бы не сделал, считая, что сети существуют только для тупых подростков, а не для таких серьезных людей, как он. Видать, времена меняются. А вместе с ними изменился и Владимир Кипятков. В одной из социальных сетей в друзья к нему напросилась некая Галина Ном. После долгих колебаний и раздумий, Владимир всё же добавил её в список своих друзей. Сначала он думал, что это какая-нибудь тупая малолетка, но, немного пообщавшись с ней, Кипятков понял, что Галина – тоже бывший банковский работник и тоже ищет работу. Была замужем за иностранцем. Судя по её осведомленности в вопросах политики, права и экономики, дама она была очень образованная и всесторонне развитая. Скорее всего – ровесница Владимира, серьезная, а не вертихвостка. Фотографий на её странице не было, но Кипятков не сомневался в том, что она привлекательная. Во всяком случае, ему приятно было фантазировать, что она симпатичная. В ходе переписки с Галиной он узнал, что она – натуральная блондинка, живет в Лемске, без вредных привычек, но небольшого роста. Владимир нормально отнесся к тому, что его собеседница – низкорослая. Главное – что не полная. Уж он-то точно знал, что маленькая женщина никогда не отдавит ему ни руку, ни ногу, ни прочие части тела, как его жена.

Галя ему была интересна. У них было слишком много общих точек соприкосновения. Они переписывались каждый день и подолгу, обсуждая новости, погоду, спорт и тупых работодателей, которые в одночасье взяли и разогнали самых опытных работников. Пообщавшись в интернете с Галиной всего неделю, Владимир уже готов был встретиться с ней и сводить её куда-нибудь. Может, в кафе или в кино. Так как они были родственными душами, Владимир не сомневался, что между ними вполне возможен интим, даже на первом свидании (разумеется, на её территории). Об этом Кипятков писал Галине. Она вполне разделяла его точку зрения по данному вопросу, но почему-то от свиданий уклонялась, ссылаясь на разные причины: то она в Москве гостит у родственников, то плохо себя чувствует, то делает бухгалтерскую отчетность для одной бизнес-леди и очень занята. Впрочем, это только подстегивало Владимира и подогревало его интерес к Галине.

Постепенно их переписка из приятельской переросла в сексуальную. Началось всё с невинного «чмоки-чмоки» или «целую» на прощанье. Потом в ход пошли комплименты типа «красавчик», «несравненная», «милашка» и так далее. И, чем дольше велась переписка, тем откровеннее были эпитеты, которыми награждали друг друга интернет-любовники. И постепенно содержание писем опускалось гораздо ниже пояса. И чем грязнее становилась переписка, тем тверже становился пенис Кипяткова, чему он радовался, как ребенок.

А однажды, когда Владимир переборщил с «Ударом под дых», но ещё мог соображать, и перед глазами не двоилось, всё зашло слишком далеко.

«Когда же мы с тобой увидимся, моя прелесть?» – написал он ей.

«Ты даже не представляешь, как скоро, мой шалун», – ответила она.

«Я боюсь, что когда тебя увижу, не смогу удержаться и без всяких прелюдий так тебя отжарю, что тебе мало не покажется!» – при этом на лице Владимира появилась похотливая улыбка, и он поставил «смайлик» после восклицательного знака.

Она прислала «смайлик» в ответ и написала: «Прежде, чем ты это сделаешь, я отсосу у тебя так, что глаза на лоб вывалятся, и ты поймешь, что твоя жена вообще ничего не умеет!»

«Ловлю тебя на слове!» – Палец Владимира завис над левой клавишей «мыши», когда он почувствовал сильный толчок в плечо. Это был даже не толчок, а удар, от которого рука сразу онемела и повисла, как веревка. Сообщение так и осталось неотправленным.

– Это кого ты там отжарить собрался? – послышался голос Марины над ухом. Этот голос был громким, готовым сорваться на визг, от чего барабанные перепонки Владимира завибрировали, готовые вот-вот лопнуть.

– Да это не то, что ты думаешь, – растирая ушибленное плечо, пробормотал Кипятков самую нелепую отговорку, которую только можно придумать в сложившейся ситуации.

В тот самый момент до Владимира дошло, что всё, что бы он ни сказал, будет сказано впустую. Ведь, отдавшись горячей волне алкоголя и смелым сексуальным фантазиям, он потерял бдительность и не услышал, как сзади подкралась жена. И, скорее всего, она могла прочитывать не только сегодняшние сообщения, но и вчерашние, и позавчерашние. А там Владимир подробно расписывал, чтобы он сделал с Галиной, окажись они тет-а-тет. Причем, Владимир это так хорошо описал, что от перевозбуждения у него чуть не произошло семяизвержение. Об этом он тоже Галине написал. И ему ничего не оставалось делать, кроме как прикрыть глаза правой рукой, которая не болела, и прошептать глупое «прости!», которое во весь голос орущая Марина не услышала. Зато он слышал все ругательства, срывающиеся с уст этой интеллигентной женщины. «Похотливый козел», «импотент» и «педераст» были самыми культурными.

Но даже в такой ситуации сработал так называемый «инстинкт безопасника»: даже понимая, что сделал роковую ошибку, Кипятков не переставал думать о том, как бы её исправить, что бы сказать такое, чтоб снять с себя все подозрения в супружеской измене.

«Может, сказать ей, что я – голубой и переписываюсь с бой-френдом? – думал он. – Никогда не поверит... Или сказать, что я переписываюсь с должницей нашего банка? Дескать, придет Галина Ном на свиданку, а тут мы её и сцапаем. Это такое испытание мне перед приемом на работу!.. Нет! Маринка завтра же в «Лемск-финанс» позвонит и в филиалы московских банков. Во-первых, народ рассмешит, а во-вторых, мне репутацию испортит. Тогда уж меня точно ни в один банк на работу не возьмут! А идти работать к какому-нибудь ИП Пупкину каким-нибудь говнюжником, дерьмоукладчиком, дерьмофасовщиком или консультантом по продаже дерьма я не хочу, вот и остается придумать другую отмазку. Но какую?»

Его глаза беспомощно метались с побагровевшего от злости лица Марины на экран ноутбука и обратно. Нужно было срочно что-то придумать, но мозг, расслабленный самогоном, отказывался работать. И тут случилось чудо – во всем доме погас свет. Экран ноутбука с компрометирующей перепиской какое-то время освещал комнату, но потом потемнел и он.

– Иди и разберись с электричеством! – Марина зажгла свечу, стоящую на кухонном шкафчике. В полумраке её глаза злое сверткнули. – Потом придешь, я тебе такое устрою...

– Охотно верю, – пробормотал Владимир, беря с полки фонарик и натягивая куртку.

Первым делом он направился к электрощиту. Хотя Кипятков не разбирался в электричестве, он всё же открыл щиток, посмотрел, все ли выключатели находятся во включенном состоянии, даже подергал за толстый, покрытый изоляцией провод, выходящий из щитка. На первый взгляд всё было нормально, но света в доме все равно не было. Вспомнив, что сосед по даче – Витя – часто грозился по пьяной лавочке вырубить в доме Кипяткова электричество, Владимир решил, что этот пакостник всё же решил выполнить своё обещание. Но почему он решил это сделать именно сегодня, именно сейчас? А главное – как он это сделал? А если Витя тут ни при чем? В любом случае нужно было сходить к нему и выяснить, в чем причина. Но

идти к соседу Володе не хотелось. И связано это было не с тем, что было прохладно, темно и лил проливной дождь. Причина была в длительных неприязненных отношениях, установившихся между соседями. Владимиру в последнее время вспоминать о Вите было противно, а не то, чтобы к нему в гости ходить. И вот сейчас, стоя перед щитком и глядя на него, как баран на новые ворота, Кипятков боролся с нежеланием ещё раз увидеть пьяную рожу своего соседа и выслушать колкости в свой адрес. Но ему хотелось провести остаток вечера перед экраном телевизора и ужинать при свете электрической лампочки, а не при свечах. Перспектива оставаться один на один в темном доме, с разозленной женой его пугала. А раз так, нужно было сделать маленькое усилие над собой, переступить через свою гордыню, неприязнь, нежелание общаться с мерзким типом по имени Витя. Поэтому он с шумом выдохнул воздух из легких и направился к дому Виктора, на ходу застегивая куртку.

В общем-то, ничего страшного в общении с Виктором не было. Когда-то они были друзьями. Марина даже несколько раз помогла ему получить кредит в банке «Лемск-финанс» на самых выгодных условиях. Они дружили семьями, ходили вместе в кафе, в кинотеатры, постоянно ходили друг к другу в гости, находясь что в Лемске, что на даче. Витя, будучи человеком, у которого руки растут из нужного места, постоянно помогал Владимиру – здесь что-нибудь прибьет, там что-нибудь починит поможет неподъемный шкаф передвинуть, – а Кипятков часто давал соседу деньги в долг. В общем, они жили мире и согласии. И Владимиру иногда казалось, что Витя ему просто Богом послан, ведь без него жить на даче было бы тяжелее.

Все праздники они отмечали вместе. Не был исключением и День строителя, который ежегодно отмечается во второе воскресенье августа. В две тысячи десятом году было решено отмечать этот праздник у Василия Ивановича, отставного полковника с редкими седыми волосами на голове и пышными усами, дом которого был напротив дома Виктора. Василий Иванович тогда взял на себя растопку бани, Витя жарил шашлыки, а на Владимире, что не удивительно, лежала обязанность по обеспечению компании алкоголем. Он всегда обеспечивал тех, с кем пил, качественным самогоном, но всегда всем говорил, что самогон ему привозят друзья из Екатеринбурга, которые якобы приезжают в Лемск в командировки. Даже Вите, которого на тот момент Владимир считал своим лучшим другом, он никогда не рассказывал, что у него есть самогонный аппарат, а потому недостатка в алкоголе он не будет испытывать как минимум до пенсии. Уж он-то хорошо знал своих соседей по даче и понимал, что как только они узнают про самогон, к его дому не зарастет народная тропа. Соседи и днем, и ночью будут клянчить самогон, пока весь не выпьют. И никто не заплатит за огненную жидкость ни копейки. Такие вот у Владимира соседи. Все как один – любители халявы.

В тот День строителя всё было, как всегда, красиво и культурно: пили, ели шашлыки, парились, снова пили, флиртовали с чужими женами. А после устроили караоке и дискотеку – кто-то пел, а кто-то танцевал. Перепившие просто «втыкались», сидя за столом.

Во сколько все разошлись по домам, никто не помнил, но все говорили, что уже было темно. Василий Иванович в этой темноте даже умудрился палец на ноге сломать, случайно запнувшись об камень. Позже, после его смерти в две тысячи двенадцатом году от сердечного приступа, его супруга Татьяна рассказывала соседям, что в ту ночь он «так нажрался, что упал между кустами смородины и заснул. Во сне он обоссался и обоссался, так что найти его с утра можно было только по запаху говна и перегара». Слушая рассказ Татьяны, Владимир понял, почему в народе появилось выражение «пьяный в говно».

Владимира тогда удивило, как любящая супруга может рассказывать такие гадости про покойного мужа. Может, они и не любили друг друга, а жили так, по привычке, как Владимир с Мариной? Или Василий Иванович только с виду казался приличным, а на самом деле столько крови супруге испортил, что она была рада, когда он умер. В любом случае неважно, каким он был, а важно, что близкие люди способны твоё грязное бельё выставить на всеобщее обо-

зрение. И сделают они это, даже глазом не моргнув. У Кипяткова жена была как раз из тех людей, которые отличаются повышенной болтливостью. Владимир даже не сомневался в том, что если Маринка его переживет, она не только разболтает все семейные тайны, но ещё и от себя добавит. Вот такие они – женщины!

Жена Виктора, между прочим, тоже болтливая и тупая стерва. Именно из-за неё произошла тогда ссора между Владимиром и Виктором. Но произошла эта ссора даже не в День строителя, а на следующее утро, когда Витькина жена, Наташка, проснулась с глубочайшего бодуна и захотела покурить. Пошарив по карманам мужа и не найдя сигарет, она не придумала ничего лучшего, кроме как пойти за сигаретами к Кипяткову, который в то время спал сном младенца и видел эротические сны, в которых тогда ещё не было места Галине Ном.

Видать, Наташа так шумно искала сигареты и одевалась, что разбудила Витю. Ему стало интересно, куда отправилась его жена в такую рань, и он пошел следом за ней.

Кипятков ни через год, ни через два, ни через три после той истории не мог вспомнить, кто из них – он или Марина – не запер калитку и входную дверь, но Наташка, пошатываясь, беспрепятственно вошла в дом Владимира. Также беспрепятственно она вошла в спальню и стала тормошить храпящего Кипяткова.

Если бы в то утро входная дверь была закрыта, и если бы Владимир с Мариной не спали в разных комнатах, быть может, потом всё пошло по-другому. Но, как говорится, чему бывать – того не миновать.

– Вова, Вова! – говорила она. – Угости сигареткой, а?

– У меня сигариллы, – сквозь сон пробормотал Владимир.

– Что? – не поняла Наталья и нагнулась ниже. – Что у тебя?

– Сигариллы...

– Что? – Наталья нагнулась ещё ниже, запнулась за резиновый сапог Владимира, валяющийся на полу, у кровати, и упала прямо на Кипяткова.

А Владимиру снился замечательный, яркий эротический сон – его соблазняла молоденькая брюнетка. Сквозь сон он отчетливо слышал женский голос, чувствовал легкие прикосновения. Во сне он лег на кровать, а брюнетка легла на него сверху. Руки Владимира обняли её ягодицы и слегка сжали.

«Вот это да! – сквозь сон подумал Владимир. Всё было словно наяву – реальные ощущения и даже запахи. Только от брюнетки почему-то пахло перегаром. Впрочем, кипятков от этого меньше её хотеть не стал. Он даже сильнее сжал её ягодицы, ладонями ощутив их упругость. – Обалдеть!»

– Вовка, ты что делаешь? – взвизгнула брюнетка.

В тот самый момент послышался страшный грохот. Это Витька пинком ноги отворил дверь и ворвался в спальню.

– Ах вы, уроды! – заорал он.

И тут Владимир открыл глаза. Он тут же пожалел, что это сделал. Впервые в жизни ему было очень жаль, что он проснулся, потому что вместо ухоженной мордашки шикарной брюнетки он увидел распухшее лицо Натальи с мешками под глазами. А вместо упругих ягодиц его руки сжимали рыхлую плоть уже немолодой женщины. Плоть, которая на ощупь сильно напоминала холодец. Эх, лучше бы сон продолжался!

– Наташа, ты что тут делаешь? – удивился Владимир.

– Я.. я за сигаретами пришла, – заикаясь от страха, ответила она Кипяткову, глядя на него сверху и дыша в лицо перегаром. Потом она посмотрела на стоящего в дверях мужа. – Витенька, честное слово, это не то, о чем ты думаешь!

Достав из кармана ветровки складной нож, Виктор с рычанием рванулся вперед. В тот момент он был похож на разъяренного быка, атакующего пресловутую красную тряпку.

– Твою мать! – Владимир скинул с себя Наталью и вскочил с кровати, встав в оборонительную стойку. Эротический сон всё ещё давал о себе знать стойкой эрекцией, которую не могло скрыть даже термобельё.

Скатившись с кровати на пол, Наталья начала пронзительно кричать, закрыв голову руками. В тот момент Кипяткову непонятно было, от чего она вопит: от того, что упала и ей больно или от того, что ей страшно. И Владимир никак не отреагировал на её крик, так как всё его внимание было приковано Виктору, а точнее – к ножу в его руке. Кипятков не слышал страшные ругательства и угрозы, которые Виктор извергал из себя, но видел, как тот приближается всё ближе и ближе, как заносит руку с ножом для удара. Всё это происходило неестественно медленно, как при замедленной съемке. Владимиру казалось, что время в тот момент остановилось. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Мог только стоять и смотреть, хлопая глазами. И Виктор, скорее всего, убил бы его, воткнув нож по самую рукоятку в ничем не прикрытую грудь или в живот, не запнись сосед об второй резиновый сапог, лежащий на полу. Рухнув плашмя на пол, Виктор выпустил из руки нож, который, скользя по полу, доехал до Владимира, едва не воткнувшись ему в ступню.

– С-сука! – сквозь зубы прошипел Виктор, глядя на жену, которая, поднявшись на ноги, терла рукой ушибленный лоб.

В это время в комнату вошла Марина. Переступив через лежащего на полу Виктора, она подошла к Наталье.

– Что, больно тебе? – спросила она.

Услышав металлические нотки в голосе жены, Кипятков понял, что сейчас будет настоящее шоу и не ошибся.

– Да, – ответила Наталья.

– А сейчас будет ещё больше! – сказав это, Марина принялась отвешивать Наталью звонкие пощечины. Она делала это размашисто, попеременно двумя руками. При этом она приговаривала: – Ах ты, тварь!.. Проститутка!.. На чужое добро позарилась, своего мужика тебе мало...

Оправившись от шока, Наталья вцепилась Марине в волосы. Марина тут же вцепилась руками Наталье в грудь и сильно сжала. Вскрикнув, Наталья отпустила волосы Марины и принялась выкручивать ей руки. Марина сопротивлялась, сыпля ругательствами. Пятясь, женщины наткнулись на кровать и упали. После чего борьба переместилась в партер. На кровати они мутузили друг друга кулаками, царапали лица ногтями, пытаясь дотянуться до глаз. Каждая из них, оказавшись сверху, норовила вцепиться в горло той, что снизу. При этом они осыпали друг друга проклятиями.

Мужчины, пораженные увиденным, просто стояли с приоткрытыми ртами и смотрели. Да, они частенько смотрели реслинг по телевизору, особенно – собираясь вместе за стаканчиком самогона. И им очень нравилось смотреть женский реслинг. Но смотреть, как дерутся женщины на телевизионном экране – одно дело, а увидеть это вживую и услышать их вопли – совсем другое. Владимир и не предполагал, что в реальности это весьма впечатляющее зрелище, от созерцания которого дух захватывает.

Тем временем женщины продолжали кататься по кровати. Их платья были изодраны в клочья, а лица их были красными от крови. В какой-то момент они упали с кровати, и борьба продолжилась на полу. Оказавшись сверху, Марина схватила Наталью за волосы и принялась бить её головой об пол. Когда затылок Натальи соприкасался с деревянными досками, раздавался такой звук, будто кто-то бил в барабан. Этот звук вывел Кипяткова из состояния оцепенения. Он вдруг подумал, что Наталью нужно спасать, иначе Марина её просто убьет. Но, стоило ему дернуться, раздался строгий голос:

– Прекратить безобразие! Сейчас полицию вызову!

Это был председатель садового товарищества, которого все называли дядя Гена. Прогнорировать его слова было трудно. Так как, во-первых, голос его был громким и командным, а во-вторых, все знали, что дядя Гена – отставной майор полиции, и с ним шутки плохи.

Женщины замерли и замолчали. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь громким сопением Виктора. Марина отпустила волосы Натальи. Её затылок со звуком «бам!» в очередной раз стукнулся об пол, с губ сорвалось ругательство. Жена Кипяткова поднялась на ноги и помогла подняться соседке, с которой у неё уже никогда не будет добрососедских отношений. Обоих женщин покачивало, на лице Наташи читалось недоумение, будто она не могла понять, как такое могло произойти, и почему это произошло именно с ней. Глядя на Марину, можно было подумать, что, несмотря на полученные синяки и царапины, она довольна исходом битвы.

Нетвердой походкой, задев плечом дядю Гену, Наталья подошла к мужу. Он тут же снял с себя куртку и накинул супруге на плечи, прикрыв рубище, в которое превратилось платье. Приобняв супругу, Виктор повел её к выходу. У самой двери он остановился и оглянулся, сверля злобным взглядом Владимира.

– Готовься к худшему, – сказал он и добавил после незначительной паузы: – Я тебе такую веселую жизнь устрою... Обещаю!

И ведь он сдержал обещание. Сначала он возвел высоченный металлический забор между участками. Забор при этом, как бы случайно, на целый метр залез на участок Кипяткова. Владимир сразу это отметил и отправился к Виктору за объяснениями. Увы, ворота его дома были наглухо закрыты, а калитка не открывалась, сколько бы Кипятков ни звонил в звонок, похожий на чернослив. Простояв у калитки минут тридцать, Владимир ушел. Но он знал, что в доме кто-то есть, ведь за забором играла музыка. Это был шансон, который Кипятков терпеть не мог. Зато Виктор эту низкопробную безвкусицу мог слушать сутками напролет.

Владимир приходил к соседу целую неделю, но калитку ему никто так и не открыл.

Но это было только начало. Потом через забор, со стороны соседей, на участок Кипяткова стал лететь строительный мусор, пищевые отходы, экскременты глупого пса Бима – любимчика Виктора. При этом Владимир не переставал удивляться, как его сосед умудряется всё это через такой высокий забор перебрасывать? Кроме мусора, частенько через забор перелетали трупы разодранных Бимом кошек, ворон. Один раз «прилетела» дохлая курица. Разумеется, всё это «добро» разлагалось и воняло, если его вовремя не заметить и не убрать. Все попытки помужски переговорить с Виктором заканчивались полным провалом. На телефонные звонки и сообщения по электронной почте он не отвечал. Молчал он даже тогда, когда Владимир пытался докричаться до него через забор.

Сосед даже специально ускорялся, когда проезжал на своём «Опеле» мимо дома Кипяткова, лишь бы тот не смог его остановить. А если шел пешком, то сразу же переходил на быстрый бег.

И нужно было ему ответить тем же, оплатив за все его пакости, но Владимир не мог, так как считал, что это будет поступок слишком низкий, не достойный белого человека, проработавшего много лет в банке. И Виктор продолжал гнуть свою линию, превращая приусадебный участок Кипяткова в помойку.

Однажды, устав от всего этого, Владимир на большом куске фанеры написал черной краской: «Хватит загаживать мою территорию, свиньи!» и перебросил фанеру через забор. На следующий день Кипятков нашел под забором такую же фанерку, на которой белой краской был нарисован ответ – большой пенис с волосатыми яичками. Владимир подумал, что это могло означать только отказ, но мусор с вражеской территории перестал прилетать. Зато по ночам кто-то стал лазить по участку Кипяткова и портить имущество – то все замки клеем наполнит, то дверные ручки густо фекалиями обмажет, то все ведра гвоздем продырявит, то какую-нибудь статую разобьёт, то скамейки мазутом испачкает. Этот же «кто-то» под покровом ночи забрался в незапертый гараж, чем-то острым оставил на бортах «судзучки» большие глубокие

царапины и проткнул все колеса. Разумеется, Володя с Мариной знали, что это соседских рук дело, но доказательств пока не было. И тогда Кипятков решил установить видеокамеры во дворе. Сам купил, сам установил, подключил тоже самостоятельно, чем весьма гордился. Но, проснувшись следующим утром, он обнаружил, что ночью опять были посетители. Видеокамеры они унесли с собой, но видео, записанное на диск, осталось. И на видео том было отчетливо видно, как Виктор с Натальей перелезает через забор, используя лестницу, как ходят по участку, портя всё, что попадает на глаза. Потом Наталья замечает камеры, и видео обрывается.

С этим диском Владимир планировал пойти в полицию и написать заявление, но Марина отговорила его, сославшись на то, что отношения с соседями и так напряженные, а будут ещё хуже. Нужно немного подождать, до следующей диверсии, а потом уже действовать. Кипятков всё обдумал и согласился с супругой. Ведь ему не столько хотелось возместить стоимость испорченного имущества, сколько хотелось просто жить спокойно, без потрясений. И с того самого дня началась спокойная, размеренная жизнь. Жизнь без каждодневных стрессов и переживаний. Кипятков уже начал забывать о проделках соседей, но внезапная деэлектрификация вновь напомнила ему о пакостнике-соседе, который, похоже, опять взялся за старое. Неужели он забыл, что у Владимира есть компромат на него?

Когда Владимир застегивал куртку, его пальцы наткнулись на что-то твердое. Засунув руку в карман, Кипятков нащупал складной нож, который когда-то принадлежал Виктору. В памяти опять всплыл день той недетской ссоры с соседями и неудачная попытка Виктора выпустить Владимиру кишки. Кипятков даже вспомнил, что когда соседи вышли из его дома, громко хлопнув входной дверью, немного оправившись от шока, он увидел, что всё ещё держит в руке то, что могло стать орудием ЕГО убийства. Сначала он хотел выкинуть этот нож, но подумал, что в хозяйстве он может пригодиться и оставил его у себя. И всё это время нож лежал в кармане куртки, будто ожидая случая, когда может понадобится. Но лучше будет, если он не пригодится. Во всяком случае, Владимир хотел этого. Он хотел тихо и мирно поговорить с соседом, по возможности восстановить товарищеские отношения, пусть даже для этого придется пожертвовать своим самогоном. А раз уж нож оказался под рукой, Кипятков планировал отдать его Виктору, тем самым подкрепив свои хорошие намерения и зарыв топор войны.

Но всё это было лишь в голове Кипяткова. Как получится в действительности, он не знал, но конфликтовать с соседом в этот дождливый, промозглый вечер ему не хотелось, так как он знал, что дома его ждут «разборки» с женой, и ему хотелось спать – сказывалось действие «Удара под дых».

Резиновые сапоги громко шлепали по асфальту. Каждый шаг эхом отдавался в голове. Кипяткову вдруг захотелось вернуться, но он понимал, что жена всё равно погонит его к соседу, а потому зачем делать лишние телодвижения? Лучше сразу разобраться с этой проблемой, чем возвращаться к ней снова и снова.

На границе между участками Владимира вдруг окружил густой туман. В свете фонаря уличного освещения он казался зеленоватым и таким плотным, что Кипятков в какой-то момент засомневался, что сможет пройти сквозь эту завесу. Вытянув перед собой руки, он подумал, что непременно должен наткнуться на что-то твердое. Но руки свободно прошли сквозь клубящийся туман, не встретив никакого сопротивления.

«Зеленый туман похож на обман, – пропел Владимир, входя в зеленоватое облако и тут же отметил, что не слышит собственных шагов. В глазах вдруг потемнело. В какой-то момент Кипяткову показалось, что он потерял равновесие и падает – земля стала уходить из-под ног, и на секунду перехватило дыхание. Однако через мгновение он снова почувствовал под ногами твердь и вышел из тумана. Дождь закончился, стало теплее, но Кипятков чувствовал какой-то дискомфорт. Всё это Володя списал на действие алкоголя и поклялся себе больше так много

не пить. Когда он оглянулся назад и увидел, что туман исчез, он только и смог сказать: «Офигеть!» Да, это было как-то необычно, но почему-то возникло ощущение, что всё это с ним уже происходило, причем, много раз. Только вот когда это было, Владимир вспомнить не смог.

Направляясь к воротам соседского дома, он был на все сто процентов уверен, что звонит звони, а калитку ему все равно никто не откроет. И, как и в прошлые разы, он постоит перед воротами, попинает металлическую дверь и в плохом настроении уйдет восвояси. Но, только протянув руку к кнопке звонка, он отдернул её, так как увидел, что ворота приоткрыты.

«Чудеса!» – Кипятков улыбнулся, отворяя калитку и осторожно входя во двор. Ожидая, что сейчас ему под ноги бросится «источник говна» – лохматый пес Бим, Кипятков инстинктивно сжал рукоятку ножа в кармане. Хотя он знал, что Бим до такой степени бестолковый, что даже на соседей не лает, но нужно быть готовым к неприятным «сюрпризам». К счастью, Бима во дворе не было, и будка его тоже куда-то пропала. А то этот комок шерсти стал бы прыгать вокруг Владимира, пытаясь своим слюнявым языком лизнуть лицо, и запачкал бы большими лапами куртку. Из-за Бима, ещё до ссоры с соседями, Кипятков как-то упал и чуть не сломал руку, когда, прыгая вокруг него, глупый пес обмотал цепью ноги Кипяткова, а потом резко дернулся в сторону ворот. Владимир упал тогда в грязь, ушиб локоть. После этого у него долго не возникало желание зайти в гости к соседям.

А сейчас грязи под ногами не было, потому что весь двор был покрыт тротуарной плиткой. Если сейчас упасть, ушибом не отделаться. К гадалке не ходи – будет перелом.

Но куда же делся пёс? Может, его отравил кто? Или Витька отдал его кому-нибудь? Да кто приютит это лохматое страшилище? В любом случае, хорошо, что его сейчас нет. Хоть его дерьмо перестало на участок залетать. Владимир наконец-то сможет поговорить с соседом и выскажет ему все, что о нем думает! От предвкушения этого разговора у Кипяткова даже настроение поднялось, и алкоголь из организма весь выветрился, будто он и не пил сегодня.

Хотя во дворе было темно, Владимир успел заметить автомобиль, похожий на броневик, припаркованный на площадке перед домом и строительные леса, стоящие у забора. А ещё Кипятков заметил новые постройки, которых раньше на участке соседа не было. Похоже, Витя наконец-то построил себе баню и гараж, хотя раньше всё ныл, что денег нет, и ходил париться в баню Владимира. Интересно, где он деньги взял?

В обшитом сайдингом доме было темно.

«Неужели у него тоже нет электричества? – подумал Кипятков. – Значит, Витька тут не при делах!»

И тут же в глубине дома замерцал огонек свечи, движущийся от одного окна к другому. Определенно, кто-то шел по дому со свечкой в руке. И этот «кто-то» направлялся к выходу. Сердце Владимира учащенно забило. Кипятков в тот момент чувствовал себя так, словно он, как много лет назад, пришел на первое в своей жизни свидание с любимой девушкой.

Послышались щелчки дверного замка, и через мгновение массивная сейф-дверь распахнулась. На крыльцо вышел Витя.

– Я схожу к Петру, узнаю, что с электричеством! – прокричал он в полумрак дома, включая ручной фонарик.

– Хорошо, – послышался голос Натальи. – Только возвращайся побыстрее!

– Как получится, – Виктор захлопнул дверь и стал быстро спускаться по ступенькам. Застегивая плащ, он налетел на стоящего у него на пути Володю, и чуть не сбил его с ног.

За секунды до столкновения Кипятков думал, с чего начать разговор, который задумывался как серьезный, но начал совсем не с того, с чего планировал:

– Ну, ты и слон! – потирая грудь, сказал Владимир. – Ты что, не видишь, куда прешь? А фонарик тебе зачем?

– Вовка? – Фонарь в руке Виктора сначала задрожал, его желтый свет стал метаться от лица Владимира к груди и обратно, периодически ослепляя его.

– Ты что, издеваешься? – спросил Владимир. – Хватит мне в рожу светить!

Фонарик задрожал ещё сильнее. Его свет вдруг переместился в сторону, на стену дома. Внезапно Виктор рухнул на колени и разрыдался, пытаясь схватить рукой Кипяткова за ноги.

– Ну, прости ты меня! Пьяный был, не соображал, что делаю...

Кипятков, когда шел к соседу, предполагал, что Виктор может наброситься на него, может оскорбить или выгнать со двора, как паршивую собачонку, но такого поворота событий он явно не ожидал. Он и представить себе не мог, что сосед, в умственных способностях которого он всегда сомневался, вдруг раскается и ему будет стыдно за свои поступки. И, глядя на лежащего у его ног Витю, Владимиру до такой степени стало жалко его, что он чуть не пустил слезу. С трудом сдержался, но пожалел, что оставил в доме сотовый телефон. Нужно было снять кающегося Виктора на видео, а потом Маринке показать. Когда он ещё такое увидит? Причем было видно, что кается он искренне – сотрясается всем телом, воет, как белуга.

В окне первого этажа дома показался огонек свечи, который выхватил из темноты испуганное лицо Натальи. Наташа быстро задернула шторы и погасила свечу, когда поняла, что Кипятков смотрит на неё. Спряталась. Наверное, ей было стыдно за своего мужа. А Владимир смотрел он на неё с видом победителя – гордо задрал нос и приосанившись. Для полноты картины не хватало только поставить ногу на спину Виктора и надеть треуголку на голову.

Да, это был исторический момент. Ради такого момента можно было Витьке всё простить: собачье дерьмо, испорченное имущество и даже видеокамеры. На душе Владимира сразу стало легко. Появилось ощущение, что груз с плеч спал, который всё это время придавливал его к земле и причинял беспокойство. И надо было раньше прийти и по-соседски поговорить, но, видать не судьба. А он бы и сегодня с Витькой не поговорил, если бы не отключили электричество. Калитка-то на магнитный замок закрывается, который не может работать без электричества. Парадокс: из-за раздолбайства электриков у Кипяткова одной проблемой стало меньше, что не могло его не радовать. Главное – держать под контролем эмоции, а то вдруг Витек опять возьмется за старое.

– Надеюсь, больше ты не будешь делать всякие гадости? – сдвинув брови, чтобы казаться серьёзным и грозным, спросил Кипятков, глядя на соседа сверху вниз.

– Нет-нет! – Витька затряс головой. В тот самый момент из его носа вытекла сопля и повисла над сапогом Владимира, словно раздумывая: падать или нет? Но упасть ей было не суждено – Виктор быстро втянул её, шмыгнув носом. – Клянусь, я так больше не буду... Ты только не заявляй на меня в полицию, ладно?

– Посмотрим... на твоё поведение, – Владимир выудил из внутреннего кармана сигариллу с фильтром, закурил и направился к воротам. На половине пути он остановился и обернулся. Витька всё ещё стоял на коленях. – Ты что, к Петру не пойдешь?

– А зачем? Раз у тебя нет электричества, у него тоже нет. Линия-то одна... Наверное, ветром провода пообрывало, как в прошлом году...

– Позвони мне на сотовый, если что про электричество узнаешь, – сказал Владимир, открывая калитку. – Номер тот же...

На обратном пути тумана не было, чему Владимир был несказанно рад. Ему не хотелось ещё раз проходить через зеленое облако. Цвет тумана, его плотность наводили на мысль о повышенном радиационном фоне, об экологической катастрофе, и о химической атаке. А такие вещи всегда пугали Кипяткова.

Всю дорогу он пытался вспомнить, были ли в прошлом году проблемы с электричеством. Насколько память ему не изменяла, за те годы, что он является собственником этой дачи, перебоев с электроснабжением не было. Хотя отключение могло быть и ночью, когда он спал и днем, когда уезжал в Лемск. В любом случае, ему хотелось, чтобы неисправность скорее устранили. Иначе, как он будет жить без телевизора, без холодильника, без микроволновки и ноут-

бука? Опять-таки, как он будет заряжать свой мобильный телефон? И отопление работает от электричества... А вдруг ночью будут заморозки?

Подойдя к дому, он ожидал увидеть огонек свечи, мечущийся от одного окна к другому, но не увидел. Зная свою жену, он был уверен, что Марина непременно будет ждать его у окна, чтобы потом накинуться на него и начать пожирать его мозг. Но ни в одном из окон не наблюдалось никакого шевеления, что было странным.

«Может, Маринка спасть легла или в сортире сидит?» – подумал он.

Версия про то, что жена ляжет спать, не высказав Владимиру всё, что она о нем думает, сразу отлетела. Значит, нужно искать её в туалете. Но там её не было. Не было её ни в ванной, ни в других комнатах. Пытаясь найти жену, Владимир даже заглянул в погреб, осветив все углы фонариком. Жена куда-то пропала. Когда Владимир решил позвонить ей по сотовому телефону, выяснилось, что телефон тоже таинственным образом исчез. Хотя Владимир помнил, что оставил его на столе, рядом с ноутбуком. Он специально не стал брать его на разборки с соседом, так как знал, что Маринка будет названивать ему через каждую минуту и тем самым всё усложнит и испортит.

«Марина! – крикнул он, выходя из дома. В ответ – тишина. И только ветер тихонько подвывал в водосточных трубах. – Марина!»

Он обошел весь участок, но жены не нашел. Заходил он и в баню, и в сарай. Когда он вошел в гараж, ему всё стало ясно – она обиделась и уехала. Только вот куда она могла уехать? И как она смогла завести «судзучку», если Владимир снимал клеммы с аккумулятора. Неужели она вдруг поумнела до такой степени, что научилась самостоятельно с машиной справляться? Свежо придале, да верится с трудом. С другой стороны, Кипятков даже обрадовался тому, что Марина уехала. Хоть какое-то время он поживет в тишине, и никто его не будет бесить своими идиотизмами. Но что-то подсказывало ему, что это ненадолго. Завтра-послезавтра эта тупая стерва вернется и начнет ему нервы трепать. Жаль, конечно, что она забрала мобильный телефон, но без зарядки он все равно быстро разрядился бы, не дотянув и до утра.

Направляясь по дорожке к дому, Владимир заметил что-то блестящее на газоне. Посветив фонариком, он увидел серебристый портсигар. Но откуда ему здесь взяться? Может, Витька выронил во время своей последней вылазки?

Не долго думая, Владимир сошел с дорожки и ступил на траву. Но стоило ему сделать шаг, он почувствовал, как в нескольких местах сразу ступню правой ноги взорвала резкая боль. Закричав, Кипятков тяжело опустился на траву. Посветив фонариком, он увидел обрезок доски на подошве сапога. Попытался отодрать его, но безуспешно. Дощечка словно намертво приклеилась, и каждое прикосновение к ней вызывало очередной взрыв боли. «Твою мать!» – закричал Владимир. И как в старом анекдоте: «Мать-мать-мать!» – повторило послушное эхо.

Попытавшись встать, он решил, что сможет добраться до дома, прыгая на одной ноге. Но каждый прыжок вызывал такую жуткую боль в ступне, что ему пришлось снова сесть на землю. При каждом движении боль врезалась в тело всё глубже и глубже. И причиной этой боли была эта чертова доска! Нужно было срочно оторвать её от ступни, иначе до дома дойти не получится. Несколько раз глубоко вздохнув, Владимир плотно сжал зубы, ухватился за деревяшку и резко рванул. Тут же ощутил такую боль, какой не чувствовал никогда в жизни. Будто ногу пронзили раскаленные иголки. Только это были не иголки, а металлические шипы, воткнутые в доску – острые, с зазубринами по краям.

«Интересно. Кто бы мог сделать такую подлянку?» – думал он, рассматривая окровавленные шипы. – Жена? Вряд ли. У неё ума не хватило бы сделать такую конструкцию, замаскировать её травой и оставить приманку – портсигар, чтобы я на эту «гребенку» наступил и поранился. И закопали-то гребенку как раз между кустами, зная, что я именно там пойду, увидев этот чертов портсигар. И зачем я вообще за ним ломанулся?.. А мог ли это сделать Витька? Вполне! И, судя по всему, сделал он эту подлянку не так давно, поэтому до усрачки испугался,

когда меня увидел. Отсутствие камер помогло ему сделать это незаметно... Сам себе услугу оказал... Вот урод! И начал каяться и извиняться. В ментовку просил не ходить... Это он! Всё сходится. Нога заживет – убью гада!

От души выругавшись, Кипятков отбросил от себя доску и поскакал к дому, напрочь забыв про портсигар. Впрочем, он ему не особо был нужен. А за Владимиром до самого дома змейкой тянулась дорожка из капель крови. Прыгая, он извергал из себя нецензурные ругательства и угрозы, которые эхом разносились по садовому товариществу, но никто их не слышал.

Глава 4

С трудом стянув с ноги продырявленный, сочащийся кровью сапог и окровавленный носок, Владимир глянул на ступню и завыл в голос, а из глаз его потекли горячие слезы. И делал он это не столько от боли, сколько от жалости к самому себе и от ощущения безысходности.

Раны были такими глубокими и так сильно кровоточили, что Кипяткову чуть дурно не стало. Чтобы не упасть в обморок от вида крови и от боли, он налил стакан самогона и залпом выпил его. Когда приятное тепло разлилось по всему телу, он немного успокоился и стал мыслить логично, отбросив все эмоции.

Телефона нет, это значит, что врачей не вызывать. Жена уехала, до соседей дойти не реально, а это значит, что рассчитывать нужно только на самого себя. Владимир понимал, что оказать самому себе первую медицинскую помощь нужно как можно быстрее, иначе он или лишится ноги, или умрет от заражения крови. Но как сделать себе повязку, если аптечка находится на самой верхней полке навесного шкафчика, на кухне. Была ещё одна на втором этаже, но где она?

Времени на раздумья было мало. Вместе с кровью из тела вытекали силы. Кипятков мог в любой момент потерять сознание и не очнуться уже никогда.

Встав на четвереньки, он дополз до гостиной, открыл нижнюю полку комода. На глаза попались капроновые колготки жены, прокладки. Было там ещё много чего и даже – ого! – фаллоимитатор. Но Кипятков взял только колготки и прокладки. Так же на четвереньках он добрался до кухни, везде оставляя за собой кровавый след. С трудом забравшись на табуретку, он зубами откупорил бутылку самогона и стал лить на ступню. И, если до того он просто чувствовал пульсирующую боль, то после ему показалось, что ступня горит огнем. Он дернулся от нестерпимой боли и упал с табурета. Когда нога задела ножку кухонного стола, боль стала ещё сильнее.

Владимир катался по полу и кричал нечеловеческим криком, зажмурив глаза, вырисовывая кровью на линолеуме замысловатые узоры. И тогда ему в голову пришла мысль, что нельзя было лить на ногу самогон. Возможно, именно это убьет его, а не поможет. И не исключено, что друг детства Денис – кандидат медицинских наук – пошутил, сказав, что крепкий алкоголь является хорошим анестетиком и антисептиком. А он – Владимир – уши развесил и поверил. И как знать, может, не было бы ему сейчас так больно, если бы он не поленился, достал с верхней полки эту чертову аптечку и воспользовался обычной зеленкой. Он даже вспомнил, что в кладовке есть стремянка. Правда, он истек бы кровью, волоча по полу стремянку от кладовки до кухни. Но сейчас уже поздно делать что-либо. Остается ждать, уповая на милость Божию.

Как только Владимир вспомнил про Бога, взгляд его упал на иконку, стоящую на полочке, рядом с вазой. И тут случилось чудо: боль в ноге стала стихать. Причем, так резко, что уже через считанные секунды он смог подняться с пола, забраться на табурет, приложить к ступне гигиеническую прокладку и примотать её капроновыми колготками.

«На первое время сойдет! – думал Кипятков, рассматривая свою ногу. – Если до завтра я не сдохну, а нога не опухнет и не почернеет, значит, Дениска говорил правду».

Приняв стакан самогона внутрь, Владимир спустился с табуретки и пополз в гостиную. Он планировал заснуть на кожаном диване. Как-никак, с кожи проще смыть кровь, чем с других тканей. За испорченные диваны Маринка его с потрохами сожрет. Владимир даже не

сомневался в том, что за любовную переписку она будет меньше на него орать, чем за пятна крови на её любимых диванах, которые она по полдня в магазинах выбирала. То, что Маринка вернется, Владимир не сомневался. А ещё у него было предчувствие, что вернется она скоро и в самый неподходящий момент, когда он будет меньше всего готов к её появлению. И начнет жена орать на него прямо с порога. А он выпьет самогона, закроется в своей комнате на втором этаже, и пусть она напрягает свои голосовые связки, пока не лопнет от натуги!

«Удар под дых», принятый внутрь, подействовал быстрее, чем того ожидал Кипятков. Он ещё не прополз и половины пути, а его уже стало болтать из стороны в сторону, и в глазах всё начало двоиться.

«Я – мужик! Где хочу, там и сплю!» – с трудом ворочая языком, сказал он вслух и заснул на холодном полу, между кухней и гостиной, вместо подушки положив под голову тапок Марины в виде зайчонка.

Проснувшись следующее утро, Владимир был приятно удивлен тем, что нога не посинела, не распухла, у него не было температуры. Значит, лечение, которое он себе «прописал», было правильным. Но нога болела очень сильно. Раны на ступне были такими страшными, что на них невозможно было без слез смотреть. Понимая, что ноге нужен покой, а ему – лежачий режим, Кипятков старался лишний раз не вставать с дивана.

Электричество в доме так и не появилось. Жена, вопреки его ожиданиям, так и не вернулась. Значит, сильно он её обидел. Соседи, которые раньше заходили в гости по несколько раз в день, куда-то пропали. Ну, хоть бы кто зашел! Кипятков был бы рад даже тем соседям, которые его раньше бесили. В основном, это были те соседи, с которыми любила общаться его жена.

Делать было абсолютно нечего, и от скуки Владимира спасал только «Удар под дых». Выпивая чуть-чуть мутноватой жидкости, Кипятков впадал в спячку. Просыпался, делал перевязку, выпивал стакан-другой самогона и снова засыпал.

Сколько так продолжалось, он не знал. Курсор квартального календаря, висящего на стене, замер на отметке «20 июля». Раньше Владимир не обращал внимания на календарь и даже не смотрел на него. Более того, он забыл о его существовании. Курсор по утрам передвигала Марина. А когда она делала это в последний раз, Кипятков не знал. Также он не знал, регулярно она это делала или нет. Поэтому он понятия не имел, какой месяц на дворе, какое число, какой день недели. Сколько дней он провалялся на диване, Владимир даже примерно сказать не мог, так как эти дни особо не отличались друг от друга: Кипятков просыпался, делал себе перевязки, пил самогон и засыпал. Иногда он просыпался ночью, чтобы доползти до туалета, снова выпить и заснуть.

За завтраком Владимир всё же смотрел в окно. И видел он, что за окном солнечно. Зеленая трава, которую давно никто не косил, выросла до пояса. Листва на деревьях ещё не начала желтеть. Значит, осень ещё не наступила. И это не могло не радовать Владимира. Он терпеть не мог осень с её похолоданиями и дождями.

Единственное, что его настораживало – трава во дворе была постоянно в движении, хотя ветра не было. Словно в траве постоянно перемещались какие-то существа. Но кто бы это мог быть – крысы, мыши или чьи-то сбежавшие домашние животные, Владимир не знал. В любом случае, после выздоровления он планировал от этих незваных гостей избавиться, а то загадят весь участок, все насаждения попортят. Может, уже попортили, хотя из окна этого видно не было. Владимир только мог увидеть, что все кусты и деревья на его участке покрыты чем-то непонятным – грязью или паутиной. И это «что-то» со стороны напоминало то гирлянды на новогодних ёлках. Впрочем, после выздоровления Кипятков планировал избавиться и от паутины.

А в том, что он поправится, Владимир не сомневался, ведь с каждым днем нога болела всё меньше и меньше, а раны потихоньку затягивались. И в один прекрасный день Кипятков смог

передвигаться по дому не на четвереньках, а прыгая на одной ноге. Тяжело было, но лучше, чем натирать мозоли на локтях и коленях. Именно в тот день Владимир смог добраться до аптек и понять, что не зря не стал лезть за ними в тот злополучный день, когда поранил ногу. В аптечках ничего, кроме таблеток от головной боли и активированного угля, не было. А ведь у него ни голова, ни живот не болели. И оставалось ему продолжать лечение прежним способом.

Чем меньше болела нога – тем лучше был аппетит у Владимира. Но, к сожалению, ничего, кроме вермишели быстрого приготовления и консервов в доме он не нашел. Холодильник почему-то оказался абсолютно пустым. В нем не было ни лотков, ни полочек. Но как Маринка перед отъездом так быстро опустошила холодильник? Для Владимира это было загадкой. Единственное, что он точно знал – только конченная сука так может сделать – оставить мужа одного на даче, да ещё холодильник опустошить. Хорошо, хоть в кладовке нашлась связка чеснока. С чесноком есть консервы и вермишель быстрого приготовления было не так противно.

И грыз бы Кипятков вермишель зубами, если бы в своё время пошел на поводу у жены и демонтировал русскую печь. А так у него была возможность вскипятить воду в чайнике и согреться холодными ночами. К счастью, холодных ночей было мало.

Вместе с внезапно проснувшимся аппетитом появилось желание читать книги. Книг у Кипяткова на даче было много. В основном, это были старые книги, которые Володя читал, когда учился в школе. Читая книги, он столкнулся с проблемой – они стали неинтересными. Но как такое могло быть? В детстве от этих книг он был в восторге, а сейчас всё казалось скучным и примитивным. Написаны книги были так, словно это был перевод с киргизского. Владимир не мог понять – или он в детстве был слишком глупым, или сейчас отупел, но не могли такие книги ему нравиться! Не могли – и точка! Примитивные герои, тупые диалоги, скучные события. Почти в каждом предложении Кипятков находил ошибки – то нет запятых, то слова неправильно написаны. Складывалось впечатление, будто какой-то умственно отсталый писатель понаписывал книг в дурдоме, напечатал их, а потом вложил свои книги в обложки уже известных книг не менее известных писателей. Никак по-другому это объяснить было нельзя. Впрочем, у Кипяткова выбора на тот момент не было – или спиваться, или читать книги, пусть даже такие дебилские. Зато, читая эти книги, Кипятков чувствовал себя умнее писателей, даже тех, кого называют классиками. А это так приятно – понимать, что ты умнее любого именитого писателя, который написал столько книг, столько лет своей жизни на это потратил, а жизнь показала, что всё это – чушь чистой воды.

Однажды за завтраком Владимир заливал вермишель кипятком и не заметил, как оперся на большую ногу. Когда до него дошло, что нога стоит на полу, сначала он жутко перепугался, ожидая, что вот-вот почувствует, как его ногу пронзает боль. Но того, чего он ожидал и чего так опасался, не произошло. Ступня слегка зудела тупой ноющей болью, но это была вполне терпимая боль. Испуг сразу прошел, а на смену ему пришла радость от того, что дела идут на поправку. Скоро он сможет, как и раньше, ходить, а потом и бегать.

Доев завтрак, он решил проверить, а сможет ли он, если не ходить, то хотя бы опираться на ногу. Опираясь руками на стол, он поднялся, встав на левую ногу. Опустив правую, он стал потихоньку перемещать на неё вес тела. Острой боли не было, но была всё та же зудящая боль, и ощущение, что кожа на ноге натянулась, как на барабане, готовая вот-вот лопнуть. Решив больше не искушать судьбу и не ждать, когда раны откроются, Кипятков опустил на стул, налил полный стакан самогона и выпил.

«Ух, хорошо! – сказал он сам себе, глядя в окно и улыбаясь. И в тот момент он увидел там нечто такое, от чего улыбка быстро сползла с его лица. Над высокой травой и кустами летали стрекозы-переростки. Они так сильно махали своими крыльями, что листья кустов трепетали, как при сильном ветре. Но откуда на его участке могли взяться гигантские стрекозы? Если Владимиру не изменяла память, эти насекомые вымерли сотни миллионов лет назад, и ученые находят только их окаменелые останки. Но на участке Владимира их было ни одна, ни две, а

много особей. И они летали, махая своими большими крыльями, то появляясь над травой, то исчезая из виду. Похоже, их было очень много.

А может, это обман зрения или «белочка»? Кипятков посмотрел на пустой стакан, отодвинул его в сторону. Доскакав до умывальника, он долго брызгал себе в лицо холодной водой. Утеревшись полотенцем, он опять подошел к окну. Стрекозы, как ни в чем не бывало, продолжали летать по участку. Ни одна из них почему-то не подлетала к дому, будто боясь нарушить невидимую границу. А Владимир сидел у окна, с интересом наблюдал за ними и думал, что если нога заживет, он в первую очередь подберется к стрекозам поближе и рассмотрит их. Может даже поймает одну из них, проткнет энтомологической булавкой и засунет в коробку, если найдется таковая подходящих размеров.

И тут он вдруг подумал: а что, если эти стрекозы залетят в его дом? Вдруг они покусают его или просто оставят где-нибудь свои яйца, из которых потом появятся личинки, которых потом из дома ничем не вытравишь? А вдруг это обычные стрекозы, выросшие из-за повышенного уровня радиации? Тогда ни стрекозы, ни их личинки ему – Владимиру – точно не нужны. Нужно было срочно проверить, все ли закрыты в доме окна. Как говорится, береженого Бог бережет. Хотя Кипятков помнил, что ночью закрыл все окна на первом этаже, насчет окон второго этажа у него были сомнения.

Прыгая на одной ноге, он добрался до лестницы, и уже хотел было опуститься на четвереньки, как он это делал много-много раз, но замер в раздумьях.

«Почему – бы не закрепить результат? – подумал он, вспомнив свой утренний успех. – Две-три ступеньки и бросаем это дело!»

И он оперся руками об пыльные перила. Поставив левую ногу на ступеньку, подтянул больную правую, слегка оперся на неё, прислушиваясь к своим ощущениям. Конечно, правая нога побаливала, но не сильно. Постояв, отдышавшись и смахнув со лба капли пота, Владимир продолжил подъем.

Он преодолел все следующие ступени, отполировав рубашкой перила и радуясь, как ребенок. На самом верху он тяжело опустился на пол, вытер мокрое от пота лицо и издал победный клич. На крыше тут же раздался слабый перестук, похожий на топот маленьких ножек.

«Птицы», – подумал Кипятков.

Он уже хотел, как и раньше, встать на четыре точки, но тут ему на глаза попался стул, при помощи которого Владимир обычно забирался на подоконник, когда открывал или закрывал окна. Только сейчас он не стал его двигать, стоя на коленях, а оперся на его спинку и сделал маленький шаг, двигая стул перед собой. Тут же понял, что может ещё и сделал второй шаг, потом – третий, четвертый.

Дойдя до первого окна и убедившись, что оно плотно закрыто, Владимир присел на стул, чтобы дать ноге немного отдохнуть, и посмотрел в окно. Стрекозы по-прежнему летали по участку, даже сверху было видно шевеление в высокой траве, и как колышутся листья кустов. Ветра при этом не было.

Интересно, а кто всё-таки живет в траве? Может, гигантские жуки?.. Неужели, пока Владимир лечил свою больную ногу, где-то рванул атомный реактор? Ответа на эти вопросы у Кипяткова не было, но он понимал, что беспричинно гигантские насекомые не появляются. И внутренний голос подсказывал ему, что это – только начало.

Обойдя весь второй этаж и убедившись, что все окна закрыты, Кипятков остановился у окна, выходящего на главную улицу со странным названием Тепличная, хотя теплиц ни у кого не было, так как помидоры, кабачки, и огурцы все предпочитали покупать в магазинах и не тратить время и силы на их выращивание.

Когда Владимир окинул взглядом соседские дома, он ожидал увидеть своих соседей. Даже представлял, как увидит какого-нибудь Пашу, с которым никогда даже не здоровался, но знал, что тот живет рядом и ездит на «Мерседесе», откроет окно, помашет ему рукой и прокри-

чит: «Как дела, Павел?», а тот ему тоже прокричит что-нибудь в ответ, махнув приветственно рукой... Только вот ни Паши, ни Саши не было видно, а так хотелось хоть с кем-то пообщаться! И только высокая трава качалась на участках. Над травой летали большие стрекозы.

Не сновали туда-сюда машины по главной улице, не было их видно во дворах. Не увидел Владимир и сторожевых собак, которые всегда оглашали округу своим громким лаем, что Кипяткова всегда раздражало. Даже птицы не летали. Было ощущение запустения, будто люди одновременно собрали свои пожитки и ушли, оставив его тут одного. А может, они покинули свои дома из-за отсутствия электричества? Но это вряд ли. Многие продали квартиры в Лемске, лишь бы жить на природе, подальше от города. Эти точно не уехали бы.

«Господи, да что ж такое творится? – прошептал Владимир, отшатнувшись от окна. – Неужели я был прав насчет аварии на АЭС?»

Опустившись на стул, он долго сидел, глядя в одну точку и думал. А думал он о том, что жена, скорее всего, уже не придет. Раз уехали все, то, скорее всего, уехал и сосед Витька. Не исключено, что действительно была авария и всех срочно эвакуировали. А он остался один, как перс под Полтавой. И никто ему не поможет, вся надежда только на себя любимого.

И что делать? Как дальше жить?

Ответ напрашивался сам собой: а ничего не делать! Жить, как жил раньше и ждать, пока окончательно заживет нога. А после можно будет обойти всё садовое товарищество в поисках людей, можно будет даже до Лемска пойти. Всё равно ведь торопиться некуда! Главное – не поддаваться панике и не сходить с ума, ведь по сути, ничего страшного пока не происходит. А что будет потом – да пофиг! Главное, что пока всё идет по плану. И это хорошо.

Поднявшись со стула, Кипятков дошел до лестницы. Долго смотрел то на ступеньки, то на стул, на который опирался. Отшвырнув его в сторону, Владимир, как в далеком детстве, съехал вниз по перилам, потом доскакал до кладовой. Пока он скатывался по перилам, он решил, что сделает себе трость или костыль из материалов, которые найдет в кладовке. И мысль эта Кипяткову очень понравилась, ведь ему будет, чем заняться сегодня и, быть может, завтра. Ну, хоть какое-то будет разнообразие!

С улыбкой на лице, предвкушая, как сейчас займется интересным делом, Владимир взял в руку фонарик, включил его и ступил в полумрак кладовки. Улыбка тут же сползла с его лица, потому что на глаза сразу попала трость, с которой когда-то ходила Марина после того, как сломала ногу, пытаясь научиться кататься на горных лыжах. Помнится, было это на горе Волчихе, которая находится в Свердловской области. И как это могло вылететь у Владимира из головы?

И трость эта идеально подходила Кипяткову, ведь они с женой были одного роста. С одной стороны, это было хорошо, хоть не нужно было больше ножками стульев пол царапать, а с другой стороны, такое интересное дело сорвалось!

Владимир на тот момент перечитывал роман Стивена Кинга «Мизери». Он читал этот роман, когда учился в институте и помнил, что «Мизери» – отличный психологический триллер. Но при повторном прочтении этого романа, как и многих других книг, выяснилось, что содержание книги претерпело серьезные изменения: популярный писатель Пол Шелдон, попав в автомобильную катастрофу, получает серьезные увечья. Бывшая медсестра Энни – сексуально озабоченная восьмидесятилетняя старуха – привозит его в свой дом, где «лечит» писателя наркотиками и пытается склонить его к интимной близости. Но даже под воздействием наркотиков Пол всячески оттягивает «сладостный» момент близости и пишет специально для Энни любовный роман, напичканный сценами секса. С этим романом старуха запиралась в своей комнате и мастурбировала, издавая такие звуки, что у Пола мурашки по коже бежали.

Какое-то время бабка писателя не трогала, но потом, когда у неё закончилась марихуана, она вдруг поняла, что Пол делает всё возможное, лишь бы не вступать с ней в половую связь. И тогда старуха решила отомстить писателю и отрезать ему бензопилой гениталии. Как-то вече-

ром она ворвалась в комнату, в которой спал Пол, и сорвала с него одеяло. Запустив бензопилу, она уже хотела оскопить писателя, но, даже находясь в состоянии наркотического опьянения, Пол услышал визг бензопилы, смог проснуться и оказать сопротивление сумасшедшей старухе. Правда, она всё же отпилила ему руку, но «хозяйство» не пострадало...

Оставалось ещё страниц тридцать до конца, но Владимиру дочитывать не хотелось, также не было у него желания читать другие книги, так как он уже точно знал, что все они кем-то старательно переписаны, грубая подделка.

Только кто и для чего их переписал – оставалось загадкой? Но Владимир подозревал, что книги были переписаны во-первых, для того, чтобы скомпрометировать писателей, а во-вторых, для того, чтобы «подсадить» на эту низкопробщину читателей и сделать из них безмозглую массу, не способную мыслить. Третьего просто не дано. И Владимир был уверен, что без колебания сожжёт эти книги в печке, если к тому времени закончатся дрова, а электричество так и не появится.

Чтобы не заразиться идиотизмом, которым были пропитаны эти книги, Кипятков решил больше не читать. Во всяком случае, это касалось книг, которые были в его дачном доме. Но развлекать себя все равно чем-то нужно! Были в доме тетради и шариковые ручки, но рисовать Владимир не любил.

Вздыхнув, он во второй раз за день отправился в кладовую. Он все-таки подумал, что лучше костыль из черенка от лопаты сделает. Даже если самодельный костыль не пригодится, найти хоть какое-то занятие – гораздо лучше, чем сидеть без дела и тупеть.

Войдя в кладовку, он уже потянулся к черенку, но тут взгляд его упал на маленькую полочку, на которой лежали шахматы, колода карт и кубик Рубика.

«Твою мать! – вырвалось у Кипяткова. – Да как такое может быть?»

Дело в том, что он понятия не имел, как это всё оказалось в кладовке. Он точно туда не приносил эти вещи. Жена тоже не могла оставить там ни шахматы, ни карты. Они ей просто не нужны. Значит, это сделала Ирина. Но почему тогда Кипятков не помнил, чтобы дочь, приезжая на дачу, во что-нибудь играла?

Да, в последнее время, особенно когда сильно болела нога, Владимир употреблял спиртное, но он никогда не напивался до такой степени, чтобы ничего не помнить.

«Да... Нужно бросать пить! – сказал сам себе Владимир, сгребая с полки предметы, которые не держал в руках с детства. Любовно поглаживая коробку с шахматами, он добавил: – И вы, друзья, мне в этом поможете!»

До самой темноты он самозабвенно играл сам с собой в шахматы, раскладывал карточные пасьянсы, крутил и вертел в руках кубик. Это было действительно интересное времяпровождение. И пить самогон не хотелось.

Ночью ему снились какие-то сказочные существа, невероятные события, участником которых был он лично – то он скакал на коне и побеждал дракона, то похищал у Кощея Бессмертного молодую красавицу с длинной толстой косой и занимался с ней любовью в избушке на курьих ножках. И хотя снилось Владимиру то, чего не может быть, проснулся он в хорошем настроении, чувствуя себя почти здоровым человеком.

Он улыбался, пока одевался, пока умывался, когда смотрел в окно, чувствуя, как лицо ласкают лучи солнечного света. Ему было не просто хорошо, а очень хорошо, как после удачного романтического свидания. И он мурлыкал себе под нос песенку из какого-то мультфильма, название которого годы напрочь выкинули из памяти.

Эйфория продолжалась до тех пор, пока Кипятков не начал наливать воду в чайник. Сначала из крана бежала нормальная струя воды, но она вдруг резко стала худеть, уменьшаясь в размерах, а потом и вовсе пропала.

«Это что за херня? – не понял Владимир. Постукивая по полу палочкой, он дошел до ванной комнаты, покрутил краны, потом прошел в туалет, нажал на кнопку сливного бачка. Вода закончилась. А как ей не закончиться, если Кипятков даже не помнил, когда в последний раз в аккумуляторный бак воду из скважины закачивал. А сейчас накачать воду нереально – электричества, благодаря которому работает насос, нет. – Вот дерьмо-то!»

Владимир опустился на пуфик, долго думал, обхватив голову руками. Получалось, что ему сам Бог велел именно сегодня выйти из дома и прогуляться до колонки, которая была в каких-то ста пятидесяти метров от его дома. Но как это сделать с больной ногой, когда везде летают огромные насекомые? Ответ на этот вопрос был один – осторожно! Да, ключевое слово здесь именно «осторожность». Именно проявляя осторожность и осмотрительность, можно пройти и сто пятьдесят, и триста метров, не «добив» поврежденную ногу и не быть покусанным большими стрекозами. Хотя, кто сказал, что они кусаются? Может, они – безобидные существа, которые и мухи не обижают. Вот это и предстояло выяснить Кипяткову. Также он рассчитывал встретить по пути кого-нибудь из соседей и выяснить, что произошло с электричеством и с другими членами садового товарищества. Кто-то ведь должен ему сказать, почему тут всё дошло до ручки.

Но, прежде, чем выйти в «свет», Владимир решил подстричься и сбрить успевшую отрасти бороду. На это ушло не пятнадцать минут, как он предполагал, а целый час. Дело в том, что, подстригая себя ножницами, сидя перед трюмо, Кипятков понял, что парикмахер из него никудышный. Поэтому он взял ручную машинку для стрижки волос и побрил себя наголо.

Расстаться с пышной шевелюрой Владимиру было не жаль, но вот сбривать бороду он почему-то не хотел, ведь борода в сочетании с лысиной привносила в его облик что-то новое, необычное. Но с бородой он был похож на моджахеда и подозревал, что, если встретит кого-нибудь из соседей, они даже говорить с ним не станут – убегут или побьют, третьего не дано. Поэтому Кипятков выбрал золотую середину – оставил эспаньолку. С лысиной она тоже неплохо смотрелась.

Одеваясь, он отметил, что из-за подросткового за время вынужденного безделья живота не застегивается ширинка у джинсов. По этой же причине он не смог застегнуть куртку. Пришлось надеть дырявый спортивный костюм, который был на два размера больше, так как Кипятков покупал его для носки в зимний период, чтобы под костюм можно было поддеть термобельё.

Сколько бы курток, имеющихся в гардеробе, Владимир ни примерял, ни одна из них на него не налезла, так как все стали ему малы в плечах и не сходились на сильно выпирающем животе. Налезла на него только плащ-палатка, в которой он выглядел как огородное пугало.

Наконец-то одевшись, натянув сапоги, Кипятков взял в руку ведро и посмотрел на свое отражение в зеркале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.